

★А★Л★Е★К★С★Е★Й★

ТАДЪНД

БЕССОНОВ

ЗМЕИ ЭСКУЛАПА

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Змеи Эскулапа

«ЭКСМО»

2001

Бессонов А. И.

Змеи Эскулапа / А. И. Бессонов — «Эксмо», 2001 — (Мир Алекса Королева)

Андрей Огоновский – старый космический волк, которому не раз приходилось пускать в ход свой верный бластер, никогда не забывал о своем основном предназначении. Служитель бога Эскулапа, врач, человек с золотыми змеями на погонах, он спасал жизни других людей, подчас рискуя своей собственной. Но пришел час, когда ему пришлось стать спасителем целой планеты... А когда отгремели сражения космической войны и он вернулся на родной Оксдэм, вместо заслуженного отдыха ему пришлось вступить в схватку с грязной сворой, объединившей болотных бандитов-людоедов и лощеных бизнесменов.

© Бессонов А. И., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1.	7
Глава 2.	15
Глава 3.	22
Глава 4.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Бессонов

Змеи Эскулапа

...Недвижимая и бессмертная, тьма пространства переходила здесь в некий, странно подсвеченный сумрак – то призрачно светилось недалекое водородное облако, скрывавшее в себе несколько сотен тусклых звездочек. В пустоте, разбавленной лишь редкими скоплениями чуть мерцающей пыли, недвижно висели четыре огромных звездолета, одинаково черных, с одинаковыми черно-золотыми крестами на бортах.

Вот только изувечены они были каждый по-своему.

Лидер-линкор «Райнхард Шеер», недавно еще бывший флагманом гигантской армады в три тысячи вымпелов, выглядел так, словно его долго и яростно терзали все псы Преисподней; толстенные плиты внешней брони там и сям висели оплавленными лохмотьями, один из четырех эволюционных двигателей был выбит из креплений и болтался на двух уцелевших силовых фермах. Находившийся рядом с ним ударный линкор типа «Саксон» выглядел значительно лучше, но и ему не удалось избежать множества попаданий. Впрочем, «Саксы» славились своей живучестью, поэтому его главный инженер ручался, что все неисправности могут быть ликвидированы силами экипажа.

Фрегат дальнего наведения класса «Надир» умудрился получить всего два залпа, и, в общем-то, в серьезных ремонтах не нуждался – а вот висевшая поодаль тяжелая туша, по виду напоминавшая давно снятый с вооружения линкор серии «Эскобар Медина», была измочалена не меньше «Саксона». Это было госпитально-спасательное корыто «Парацельс», волею судеб вдруг оказавшееся в самой гуще безжалостного сражения после того как строй Конфедерации распался, и линейный бой превратился в свалку. Большая часть экипажа летающего госпиталя отправилась напрямиком в Валгаллу, поэтому из боя его выводили в основном врачи, каждый из которых имел и какую-то бортовую специальность.

Именно здесь, в просторном командирском салоне «Парацельса» сидели сейчас уцелевшие командиры и старшие офицеры четырех кораблей. Командующего среди них не было – львиное сердце маршала Руперта Келли, поднявшего свое соединение навстречу многотысячной армаде Эсис, остановилось в ту секунду, когда прямое попадание разворотило нижний штурманский пост «Шеера», где он имел неосторожность находиться.

Четыре корабля – все, что осталось от более чем трех тысяч боевых звездолетов, пытавшихся остановить страшный клин Эсис, двигавшийся к одной из человеческих колоний, к системе Альдаран: уцелевшие отступили, но долго еще преследовали четыре корабля, которые уходили все дальше и дальше, надеясь пройти Южную Петлю и соединиться с XXXVII резервным корпусом вице-маршала Бринского, занявшим позицию неподалеку от Беллами. Когда преследователи отстали, «Надир» поймал страшную новость – Бринский разбит, Беллами почти обложена и готовится поднимать свои флоты... прорыв становился невозможным.

– Не хочу вас пугать, господа, но для нас, похоже, эта война кончилась... На некоторое время, я надеюсь.

В салоне висела тишина, где-то под потолком медленно крутились пылинки, влекомые сонными струями вентиляторов. Они – уцелевшие, – прекрасно знали, что легион-генерал Волльмер прав. Командир флагмана, он был старшим среди них, и ему было принимать решение.

– Подать голос мы не можем, – продолжал он. – Вся окрестная зона полна рейдеров противника, и нас немедленно обнаружат. Возвращение на базу также исключено... Единственное, что мы можем – это найти планету, на которой экипажи смогут произвести доступный вне доков ремонт, и ждать до тех пор, пока мы не сможем вступить в бой. Я надеюсь, что все вы, – он обвел салон твердым, как клинок, взглядом своих яростно черных глаз, – понимаете:

победа так или иначе будет на стороне Конфедерации... я не исключаю, что мои слова звучат излишне громко... но ничего другого я сказать не могу.

Да, они это знали... Внешние колонии приняли первый удар, но до Авроры – всего лишь сорок суток крейсерского хода, а там богатые, многолюдные миры с невообразимым людским и промышленным потенциалом, там гигантские флоты, способные перемолоть любого противника, тогда как базы Эсис далеко, и чем сильнее растягивают они свои коммуникации, тем меньше их шансы. Но пока – пока они должны затаиться и ждать. Может быть, год, может быть, два... Они должны выжить: хотя бы для того, чтобы дожить до победы.

– Беллами неприступна в принципе, и за нее мы можем не опасаться, – Волльмер неожиданно осекся на полуслове: под потолком салона раздался резкий писк вызова, и дежурный офицер «Парацельса» заговорил, не спрашивая разрешения:

– Начальник связи «Надира», срочно...

Щелчок переключения – и хрипловатый, почти сорванный голос:

– Четыре тяжелых крейсера-носителя, дистанция три и семь миллиарда, скорость 0,3 L, строй уступа...

– Они нас еще не видят? – резко переспросил Волльмер.

– Разумеется, нет, генерал. Их вижу только я. Кажется, пока нам везет – иксовое перекрытие у них почти двадцать градусов. Скоро они начнут удаляться...

– Если, конечно, не сманеврируют, – тихо сказал кто-то.

Волльмер посмотрел на говорившего: это был командир «Саксона».

– Если, Питер, если... в любом случае у нас есть пара часов. Я предлагаю: перебросить людей с «Шеера» на остальные корабли, оставить его в качестве автофорта, и нырять в облако. Да-да-да, я знаю, что там – практически неисследованная область, часто числящаяся в логиях как район рискованного звездоплавания, но у нас довольно мощные корабли, и к тому же... в облаке они нас точно не найдут. А «Шеер»... что ж, «Шеер» все равно не вытянет сложный маневр.

Кто-то усмехнулся. Лидер-линкор в качестве автофорта, это было здорово. У «Шеера» уцелело почти двадцать процентов батарей, и на большинстве еще оставался кое-какой боезапас. Автофорт – значит, пустой корабль без экипажа будет «гасить» все, что не отвечает на запрос «свой-чужой», и, разумеется, попортит немало крови тем Эсис, которые осмелятся войти в простреливаемую им зону.

Глава 1.

1.

– Святое утро...

Снегоход остановился, не дойдя всего несколько метров до плоской вершины ледяной горы. В борту приплюснутой, грязновато-белой машины распахнулся люк, и из кабины тотчас выпорхнуло небольшое облачко пара – таков был мороз. На плотный, после недавнего потепления смерзшийся в корку снег выпрыгнул высокий юноша в толстом кожаном комбинезоне. На поясе болтались отстегнутые шнуры системы электроподогрева. Надевая на ходу шлем с очками, он бросился к сверкавшему на солнце ледяному гребню, который венчал собой край естественной площадки на вершине. Подбежал, глянул вниз – и замер.

– Святое утро...

Казалось, побледнела даже ритуальная татуировка Светлого, украшавшая его скулы: внизу, под подошвой горы работали люди. Далеким гулом доносился сюда рев мощной строительной техники, что заканчивала расчистку гигантского, не менее сотни лон в поперечнике, котлована; а в нем, уже почти освобожденное из векового ледяного плена, слабо поблескивало серебристое, местами белое треугольное тело...

Юноша скатился вниз по склону и запрыгнул в кабину своего снегохода.

– Сигнал – сейчас же! – прокричал он. – Пока они нас не заметили!..

Один из двоих его спутников обреченно вздохнул и потянулся к панели мощного радиопередатчика, занимавшего собой почти половину и без того тесной кабины. Он знал: они выполнили свой долг, но жить им теперь осталось совсем немного. Кодовый сигнал пронзит небеса, и через несколько минут над ударающей машиной повиснет рычащий коптер тех, кто работает там, под горой.

Так и случилось, только коптеров было сразу два. Юноша успел закончить прощальную молитву, благословил своих спутников на путь, из которого нет возврата, и вывалился из полыхающего снегохода – последним.

Неуклюжие, выкрашенные яркой оранжевой краской машины уже почти перевалили через вершину горы. Несколько секунд он стоял на коленях, тупо таращась на изуродованные тела тех, кто пришел сюда вместе с ним, а потом до него вдруг дошло, что теперь он имеет шанс на жизнь. И тогда юноша засмеялся, потому что мало кому удалось бы одолеть его путь даже на такой как у него, мощной и надежной машине. О том же, чтобы пройти сотни тысяч лон пешком по ледяной пустыне, не стоило и думать. До них по этой дороге прошли уже десятки отчаянных. Множество вездеходов, несколько тяжелых воздушных кораблей – все они сгинули среди сверкающих просторов, так и не найдя ответа на всем им заданный вопрос.

Ответ нашел он...

Откатившись в сторону от горящей машины, юноша встал на ноги, отряхнул с себя налет сухого, как порошок, снега, и с задумчивостью поглядел вниз – туда, откуда он пришел. Разум говорил ему, что единственно верным решением была бы пуля, но могучий инстинкт, живущий в его молодом и сильном теле, заставлял его включиться в совершенно безнадежную борьбу. Он быстро и почти машинально проверил, что еще осталось в его многочисленных карманах и кобурах. Помимо мощного и скорострельного автомата в набедренной петле, у него был крупнокалиберный пистолет в наколенном кармане, стандартный спасательный набор, несколько пакетов с питательной смесью и десятка два бульонных кубиков. Еще был шоколад и плоская фляга с нетронутым запасом сладкой, адски крепкой арры, способной, хоть и ненадолго, вер-

нуть силы и надежду в самой безнадежной ситуации. Одежда – кожаный комбинезон на пушистом меху, высокие мягкие сапоги и теплый шлем, – позволяла не бояться мороза, по крайней мере днем.

Он понимал, что двигаться по следу вездехода нельзя. Если он хочет выжить, идти следует в другую сторону. Расстояние пути возросло, но к югу у него был шанс добраться до населенных мест.

Юноша шел до наступления сумерек. Каменно-крепкий наст легко держал его тело, и он лишь раз провалился в глубокий, почти по пояс снег, а миниатюрный компас помогал держать направление. Он шел на юго-восток.

Когда солнце скрылось за алым льдом горизонта, и вокруг него повисло характерное, ни на что не похожее синее марево, юноша остановился, присел на корточки и вытащил из-под комбинезона плоскую коробку спасательного пакета. Потянув за кольцо, он разорвал тонкий металл крышки и высыпал на снег содержимое: коробка должна была послужить котелком. В топливе он не нуждался – в комплект пакета входила широкая плоская свеча с тремя фитилями, на которой можно было вскипятить воду. Юноша вытащил из кармана широкий длинный нож с потемневшей от старости костяной рукоятью, порылся в кучке рассыпанных на снегу предметов и подбросил на ладони миниатюрное огниво из легкого серого сплава. Держа огниво над свечой, он резко провел по нему лезвием ножа. Сноп искр, ярко вспыхнув в надвигающейся тьме, с первой попытки воспламенил один из фитилей. Остальные юноша разжег крохотным клочком бумаги. Следом он пробил ножом наст и набрал полную коробку снега. Поставив ее на железные борта свечи, юноша вздохнул и отрешенно подумал о том, что в ближайшие дни ему следует держаться на одном бульоне – его должно хватить надолго. Свеча, как он помнил, горит десять часов, а полная коробка от спаспакета закипает за пятнадцать минут...

Свой третий рассвет он встретил с последним кубиком бульона. Свеча почти выгорела, лишь на самом доньшке виднелся тонкий слой искусственного жира. Щеки молодого человека, покрытые густой многодневной порослью, запали, в глазах появился лихорадочный блеск загнанного зверя, но он продолжал двигаться – почти машинально, как сомнамбула. Он знал: если не врет компас, то к концу светового дня на горизонте появится бескрайний лес, который обеспечит его топливом. По мере движения к югу мороз стал слабее, и если в первую ночь он почти не спал, отчаянно пытаясь согреться в своем тонком полимерном мешке, полностью исключая рассеивание тепла его тела, то теперь уже можно было не бояться замерзнуть.

И все же нагрузка – а юноша шагал все в том же, выматывающем темпе, что и в первый день, – и истощение уже дали о себе знать. Все чаще он стал погружаться в странное, полубессознательное состояние, напоминающее грезы зеленого дыма. В эти минуты (а может быть, часы?) перед ним вставали картины давно забытого детства, и он, смеясь от счастья, вспоминал аромат тысяч цветов в отцовском саду. Несколько раз ему привиделась девушка, которую он любил когда-то, еще совсем мальчишкой. Тогда она казалась ему недостижимо прекрасной и, увы, такой взрослой; разница в возрасте не позволила ему побороть смущение, и он только провожал ее жарким, липким взглядом пылающего юнца. Теперь она шагала рядом с ним, ее переливчатый смех звенел в его ушах, и он начинал идти еще быстрее.

Отрезвляла его лишь усталость да тупая, сводящая с ума боль в желудке.

За несколько часов до заката юноша разжевал первый из трех пакетов, наполненный приторно-сладкой смесью из молока и перетертых орехов. Запив скудный обед глотком арры, он достал компас и тревожно поглядел вперед. Горизонт, изрезанный туманными контурами холмов, оставался все таким же белым, как и три дня назад.

Арра взбодрила его. Юноша набрал полную пригоршню снега, с силой растер им лицо, слизал с ладони остатки, и вновь двинулся на юго-восток.

Через час, торжествуя, он вышел к берегу неширокого ручья – впереди, в начавшей мутнеть дали, черно-серой стеной стояли очертания могучих деревьев; он преодолел смертельную

ледяную пустыню, и теперь его ждал путь через тайгу. Юноша почти бегом спустился к затянутой льдом речке и, спеша и не пробуя перед собой лед, двинулся за манящим его призраком леса. Впереди было топливо, а может быть, еще и пища. Царство ветров, белая пустота осталась за спиной, теперь ему казалось, что с усталых плеч упала тяжкая ноша. Рифленные подошвы сапог заскользили по слегка подтаявшему льду, но путник не обратил на это внимания, близкий призрак спасения придал ему сил.

Покатый берег ручья, кое-где поросший редким еще кустарником был близко, совсем близко: в это мгновение правая нога юноши за что-то зацепилась, он почувствовал, что теряет равновесие, и лед под ним, скрежеща и протестуя, разошелся... нога по бедро ушла в ледяную воду. Юноша закричал. Его крик был слабым, как стон умирающего. Он лег на лед и принялся, извиваясь, вытаскивать начавшую немочь ногу. Он напряг все свои силы, рванулся и с ужасом увидел, как уходит в полынью выпавший из кармана компас...

Задышавшись, падая и вставая, бежал он к лесу. Когда его грудь с треском взломала кустарник опушки, юноша медленно повалился на землю. Он лежал, пытаясь хоть как-то восстановить сбитое дыхание и понимая, что если сейчас – вот прямо сейчас он не встанет и не разведет огонь, встать ему уже не суждено. С писклявым стоном юноша поднялся на ноги и принялся ломать сучья для костра. Острым клинком он срубил несколько тонких деревьев, кое-как поломал их об колено, но здесь силы вновь оставили его. Он опустился на мягкий влажный снег. Из его груди с хрипом вырывались прозрачные облачка пара.

Кресало воспламенило бумагу, но влажное дерево долго не хотело разгораться – измученный беглец решил уже, что развести спасительный костер ему так и не удастся. Все же, изведя несколько драгоценных клочков бумаги, он добился того, что над самыми тонкими веточками появились сперва робкие, затем все более густые струйки дыма. Он был спасен.

2.

– Мы так толком и не познакомились, майор. Все, что я о вас знаю, это то, что ваша фамилия, кажется, Огоневский, и вы – из отделения общей хирургии.

– Огоновский, капитан... вообще, можно просто Андрей. Да-да, именно так, в славянской транскрипции. Так меня нарек почтеннейший папаша, а я вот мучаюсь: всяк норовит поименовать меня Эндрью, а я обижаюсь.

В не очень-то просторном отсеке управления шестым грантауэром левого борта их было двое: кадровый флотский капитан-артиллерист и майор с жезлами Эскулапа в петлицах, поставленный сюда после того, как в сражении погибла добрая половина комендоров. Большинство из тех, кто уцелел, старший офицер направил на более важные посты – кого в моторы, кого в жизнеобеспечение, а в отсеки башен уселись врачи, способные управлять аппаратурой наведения.

Кэпу Харперу, по идее, следовало бы находиться в другом месте, но он изрядно обгорел в «лунке» возле кормы, плохо двигался, страшно матерился, поэтому его сунули сюда, а напарником выделили мрачноватого черноглазого хирурга с несколькими загадочными шрамами на физиономии. В процессе удирания, когда их башня едва не раскалилась от сотен залпов, хирург показал себя если не слишком умелым, то по крайней мере, упорным канониром, но, конечно, поговорить им толком не удалось. Почти десять часов «Парацельс», прикрываемый истерически-яростным огнем «Шеера» и «Сакса», уходил от проклятых Эсис, и все это время в отсеке звучали лишь короткие отрывистые команды Сола Харпера. Огоновский так и не произнес ни слова.

– Я – Соломон, – не очень решительно произнес Харпер.

Помимо того, что хирург был старше его лет на десять, он отчего-то внушал канониру странное, несколько сыновнее почтение.

– Я знаю, Сол, – отозвался Огоновский, вдруг осветив лицо короткой белозубой улыбкой. – Вентиляция вроде дует, не так ли? Попробую-ка я поддать ей чертей – что-то курить смертельно хочется. Вы, кстати, курите?

Огоновский вылез из своего кресла, с видимым наслаждением размял измученную за много часов спину и потянулся к пульту фильтро-вентиляционной системы. Шипение под потолком усилилось, и своими обожженными легкими Харпер сразу ощутил, как потек по отсеку приятный холодок прошедшего через фильтры воздуха. Сложный металло-пластиковый аромат, давно уже ставший ему привычным, окрасился новыми тонами – откуда-то слабо запахло гарью. Вспомнив про ноги, Харпер тихо выругался.

– Болит? – сочувственно поинтересовался Огоновский. – Могу кольнуть, тут что-то есть в аптечке. Будете курить?

– Я не курю, – улыбнулся Харпер. – У нас на Кассандане не очень-то принято. А ноги, в общем-то не болят, спасибо... так, просто вспомнил, черт бы их взял.

– Не переживайте, вы будете ходить как новенький. Дней пять, я думаю, и все придет в порядок.

– Хотелось бы... Вы, кстати, кадровый? Я пришел на эту посудину уже после начала всей этой катавасии и не успел, конечно, познакомиться со всеми.

– Да нет, Сол. Я, кажется, пришел даже позже вас. Призвали-то меня в первые же дни, но сперва я ходил на «Моргане-8», потом его спалили, я кое-как выкарабкался, нас сняли с Ламина, я отлежался в санатории для тронувшихся умом и получил, наконец, направление сюда.

– Санатории?! – ужаснулся Харпер. – Что вы имеете в виду?

– Да так, – хохотнул в ответ Огоновский, – заведение такое – специально для резервистов, переживших боевой стресс. Обычно там отдыхают недели две, но некоторые, знаете ли, остаются навсегда: тишь, птички поют. Но у меня нервы крепкие, и меня турнули почти сразу, даже отоспаться толком не дали. Поглядели в досье – и все, пошел, пошел... крестик в погон сунули, по резерву-то я капитаном был.

– Но как же вы в резерве дослужились до капитана?

– А-аа, это долгая история. Впрочем, делать нам пока нечего, так что могу и рассказать. Понимаете, после орегонского медкорпуса у меня не очень заладилась карьера. То есть предложения, конечно, были, но ни одно меня не устраивало – работать ординатором и скучно и не особо прибыльно. Полгода я поболтался туда-сюда, а тут меня вызвали и предложили поступить во флот на трехгодичный контракт. К тому моменту у меня почти закончились деньги, ну, я подумал – а почему бы и нет, потом льготы всякие и тому подобное, да и согласился. Ну, оттархтел это я контракт, надумал увольняться. Зовет меня кадровик и начинает, как положено, предлагать: и то, и се... вроде и клиники неплохие, да что-то опять мне скучно. В конце концов он уж взопрел – знаете, ведь по закону он должен устроить меня на вкусное местечко, – и предлагает: ну, тогда вступайте в государственный корпус здравоохранения развивающихся миров. Жалование там бешеное, страховки по высшему разряду, и главное – четыре пятилетних контракта – и пожалуйста, пожизненный пенсион. Я конечно, не знал, что мало кто выдерживает до второго контракта...

– У-уу, – восхитился Харпер, – так это, значит, все эти дикие планеты, да?

– Дикие – это мягко сказано. Я попал на Оксдэм. Это старая планета, ее заселили сразу после Распада, и всю дорогу там происходили чудеса. Цивилизацией практически не пахнет, нравы веселые, да еще и бактериологическая обстановка не самая благоприятная. А уж на болотах жить – а там пол-суши это сплошные болота – и вовсе славно. В общем, закинули меня в эти мокроты, дали инструкции... меня и напарника. Аксель Кр., нц его звали, железный был парень, бывший врач десанта. Уволился из-за драки, ха-ха... Нам, правда, повезло, другим бывало и хуже. В нашем районе обитал уникальный старик, доктор милостью божьей, который

на этом Оксе всю свою жизнь просидел. Он нас и надоумил. Если б не его советы, загнулись бы мы Акселем через месяц. Или, как большинство коллег, удрали к чертям. С оружием там расставаться нельзя – ни днем, ни ночью. Представляете себе, что такое край рудокопов и скотоводов? И ближайший прокурор на другой стороне планеты. И связи нет практически... хо-хо-хо! За дешевенький бластер можно купить молодую девчонку – хочешь, на мясо, хочешь, еще для чего.

Харпер не поверил своим ушам.

– Как это – на мясо?! – переспросил он.

– А вот так, дружище. Были там любители, были... троих Аксель извел, он мечом крутил, что воздухом дышал. И стрелял дай бог каждому. В общем-то врачи, как государственные служащие приличного ранга, могут там чувствовать себя неплохо – если с умом подойти к делу, конечно. Мы заказывали себе целые контейнеры оружия, приличной жратвы и энергопатронов – и жили, в общем-то. На второй год нас уже так уважали, что никто и не трогал. А уж после того, как мы вытащили из лихорадки одного болотного царька, местные кошкодралы в нашу сторону и дышать зареклись. Аксель завел себе огромный гарем, слуг и все такое прочее... в общем, все было почти нормально, но тут болотные друзья что-то не поделили между собой, и началась резня. Три месяца мы, как глисты, бегали по заброшенным шахтам, таская с собой навьюченных жратвой и боеприпасами девок! Вот там я насмотрелся на все чудеса света...

Огоновский замолчал, тщательно притушил о подошву ботинка окурок. Кэп Харпер смотрел на него круглыми от изумления глазами, ожидая продолжения рассказа. Он много слышал о жизни на диких планетах, но еще ни разу не сталкивался с человеком, который сам жил этой жизнью.

– В общем, лазили мы там, лазили, и кончились у нас харчи. Думали поесть девок, да жалко стало: решили вылезать. Вылезли... Бледные, понятно, как спирохеты, отощали – а на поверхности-то, ха-ха, десантный зондеркорпус стоит. Утихомиривать, видите ли, прилетели. Тут бы нас и порешили, да, слава богу, Аксель вдруг знакомого встретил. А то, конечно, ну очень мы были на врачей похожи! Выжгли они там все, что только можно, все женское население под корень перепортили, навели, понимаешь, порядок. Да только ненадолго это все. Едва они улетели, жизнь пошла по наезженной колее. И нам пришлось начинать все заново, потому как вожди поменялись, какие-то новые люди понаехали, в общем, все по-новой. Я уж думал, нервы у меня не выдержат. Но нет, справились: лихорадка ударила. Там, в этом болотистом плоскогорье, раз в пять-шесть лет случается форменный мор, народ, особенно подземный,дохнет пачками. Никто никого даже не хоронит, бросают в болота, да и всех делов. Месяц мы с Акселем почти не спали. Вытащили. Всех, кого могли. Уже и уезжать не то что не хотелось, а вообще, даже в голову не приходило, до того привыкли... пятнадцать лет я там проторчал. Если б не эта война, будь она проклята, до пенсии четыре с мелочью оставалось.

– После войны вы хотите вернуться туда, дотягивать контракт? – тихо спросил Харпер.

– А кто его знает, куда мы теперь вернемся? – мрачно хмыкнул Огоновский и полез в карман за новой сигаретой. – Черт, как жрать хочется – интересно, когда нас снимут, забыли про нас, что ли? Куда мы вернемся, кэп? Мы, насколько я врубаюсь, еле унесли белы ноженьки, а назад нам теперь ходу нет: обложили. Теперь только вперед, а вперед – это, собственно, куда? Где-то будем отсиживаться, наверное. Хрен его знает, что там начальство выдумает.

У Харпера неприятно похолодело в животе, причем совсем не от голода. В принципе, он догадывался, что все так и есть на самом деле – фактически, док Огоновский лишь озвучил его темные мысли, да вот только признаваться в этом ему совсем не хотелось. Огоновский был прав, самым паскудным образом прав, а далеко-далеко на Бифорте Харпера ждала прелестная жена, которую он завоевал с отнюдь не малыми усилиями, крохотная дочка и впридачу – уютный, тихий тестев банк, в котором он мечтал осесть, заработав себе хотя б майорский пенсион.

Огоновский сплюнул на рифленный черный пол. Кэп вздернулся из кресла, задумчиво пошевелил шеей и спросил:

– Док, а как вы считаете, мы успеем отремонтироваться до конца войны?

Майор раздраженно фыркнул.

– Фу, черт, Сол, вы же не похожи на дурака! Тем более, что вам-то основы стратегии читали гораздо круче, чем мне! Конец войны, славно вы загнули! Нет, я понимаю, что для Эсис эта война была проиграна изначально, но мы-то, мы, а? Наши военные традиции... мы взяли от давно почившей Империи все худшее, что только могли. Наши военная доктрина, основанная на магическом слове «атака»... наше преклонение перед воинственными предками, наша невозможность отступления... вы знаете, я считаю, что Келли погубил флот. Да, этот сучий фанатик погубил нас всех! Нет, я несколько не отрицаю того, что его мужество не знало себе равных. Я, упаси, меня, грешного, господи, ни на миг не усомнился в фантастической отваге наших экипажей, нет... Но чего ради они умерли, все эти люди? Келли шел в атаку так, как будто за его спиной стояла судьба расы. Он орал, он рычал, он гробил тысячи людей только для того, что бы не упал, упаси боже, флаг его флота!.. Флаг упал; что же дальше? «Парацельс» до отказа забит ранеными, мы бежим, куда глаза глядят. Где, интересно, флаг маршала Келли? Где, я вас спрашиваю? Вот смотрите, Сол, у вас всего-навсего болят ноги. А что вы скажете о пилотах, у которых уцелели только две вещи: башка и позвоночник? Да, мы их вытянем. Но, что же, вы думаете, что им не было больно? А ведь они тоже люди... они такие же офицеры, как и вы – может быть, даже более доблестные, черт возьми!

– Док, – вдруг вскинулся канонир, – это война. Вам это не ясно? Или вы думаете, что сопли помогут вам воевать?

Огоновский захохотал. Это было настолько неожиданно, что капитан Харпер, вывесив челюсть, уставился на своего случайного коллегу с искренним недоумением.

– Э-ээ, док... я где-то слышал рассуждения о том, что война похожа на оргазм – для кого-то там... но вы...

– Да идите вы, мальчишка!.. Война! Оргазм! Да что вы знаете о войне?.. или, мать моя, об оргазме?..

– Майор!

– Да-да, конечно!.. Сол, ради бога... Сол, поймите же меня: одно дело, когда человек умирает где-то рядом с вами, и за дело, и такова его служба, и все знают, за что им платят бабло... а совсем другое дело, когда человек, живой человек, умирает фактически у вас на руках, и вы ничего, ну ничего не можете сделать... а?! А когда вы давали клятву, которой тысячи и тысячи лет? Был такой типоса, Гиппократ его звали. Был, был, Сол... И нет ничего страшнее, чем эту клятву нарушить! Вы знаете, Сол, я стреляю намного лучше вас. Я даже из пушки этой хреновой стреляю лучше. Мне б дня два – и черта б вы меня перестреляли. Я, Сол, убил очень много людей, очень. Некоторых – мечом. Вы знаете, что такое убивать мечом, а? Это когда вы с ног до головы в чужой крови, Сол...

3.

Сгустившаяся в углах тьма была им судьей.

Светильники горели в пол-накала: мощности генераторов здесь не хватало. В густом, словно патока, воздухе подземелья тускло тлели желтые электрические лампы, и это был предел того, на что были способны они, еще недавно могущественные хозяева целого континента. Еще недавно они владели половиной суши. Еще вчера их власть простиралась с запада до востока; сейчас все изменилось. Двадцать лет назад они властвовали над спутниками планеты. Они запускали свои корабли к ближайшим мирам, они вели тайные, но величественные исследования. Сегодня они понимали, что всему этому пришел конец.

Нет, внешне все было в порядке. Массивные машины убирали урожай, огромные заводы плавили сталь, миллионы и миллионы людей вставали рано утром, чтобы лечь поздно вечером. Корабли, изящные и одновременно функциональные, поднимали сети с уловом, сети, полные так нужными дарами гигантских морей... жизнь продолжалась.

Над ними возвышался Храм.

Они молчали: долго, долго...

Но говорить было необходимо. И хотя ни один из них не хотел брать на себя ответственность первого слова, сказать его все же пришлось.

– Спасения нет.

Так сказал старший из них, высокий седобородый первосвященник с витой серебряной митрой на голове. В его глазах стоял не ужас, нет, всего только печаль – но ее было достаточно для того, что бы остальные, те, кто сидел вокруг него священным шестиугольником, смогли проникнуться ужасом происходящего.

– Веры нет.

Голос старца возвысился, отзывавшись в темных углах помещения, и им показалось, что в унисон с ним жалобно вздохнули ажурные ритуальные подсвечники на стенах помещения.

– Отцы должны узнать, что мы остаемся верны им, ушедшим, даже в смерти.

Сказав это, первосвященник резко поднялся на ноги, размахисто, словно солдат в строю, прошел через круг своих братьев и исчез в черном провале выхода. Он сказал все, что должен был, теперь говорить будут другие. Первым – Аиф, старший из Сыновей, он сидел во главе святого круга, чуть особняком от остальных. И он заговорил.

– Последняя попытка сорвалась. Как вы знаете, для подготовки этой миссии мы прилекли наших лучших сыновей из числа Светлых: они смогли задействовать немалые ресурсы. Теперь у нас остается только один путь – мы должны выйти к звездам и, если это будет возможным, уведомить забывших о нас Отцов, что мы, умирая, по-прежнему храним свою верность.

Ответом ему было негромкое гудение. Впрочем, ни один из присутствующих не нашел в себе сил возразить. Тогда Аиф продолжил речь.

– Наши шансы, конечно, практически равны нулю. Прошло слишком, слишком много лет. Но мы знаем, теперь уже точно: пророчество сбудется. Значит, у нас нет другого выхода... с завтрашнего дня Светлый бен Харра начнет готовить экипаж.

У них оставался один звездолет. Один-единственный, да и тот был построен проклятыми еретиками, долго правившими на несчастной планете. Когда-то, давно, таких кораблей было довольно много, они бороздили пространства, за долгие годы достигая ближайших звезд, но так и не нашли никаких следов присутствия Отцов. Не нашли – потому что не искали, так считали они, наказывая скверных в дни Великого Солнцеворота. Не нашли – потому что Верность, завещанная тысячелетия назад, была погребена под слоем гордыни и тлена.

После Солнцеворота (да восславится утро его!) строительство дорогих игрушек было прекращено – во-первых, потому, что задачи борьбы со скверной представлялись Сыновьям куда как более важными, а во-вторых потому, что слишком мало осталось людей, помнящих, как сплавить воедино тысячи и тысячи сложнейших механизмов звездолета.

Впрочем, и среди Сыновей нашлись прозорливые. Три корабля удалось спасти и спрятать от ретивых глаз далеко в горах Трандара. Там же оказались и те немногие, кто был причастен к сложной индустрии звездоплавания – те, разумеется, кто сумел выжить после Солнцеворота. Два корабля ушли к звездам; их цели были туманны, и они не вернулись. Для последнего корабля умирающие старики подготовили полный экипаж – четырнадцать человек, они готовили его не из страха, так как бояться им уже просто не хотелось, а из надежды. Да, они надеялись, что экспериментальный, сверхдальний «Кронг», рассчитывавшийся когда-то для очень долгого путешествия, сможет донести свою команду до обитаемых миров – а они, эти старики, знали, что где-то там, за границами ненавистного им водородного облака, в глубине которого

плыло их желтое солнце, находятся обитаемые миры. Иногда они принимали непонятные далекие передачи, иногда им удавалось наблюдать странные далекие вспышки, непохожие на активность молодых звезд. Они верили, что кто-нибудь придет и к ним, но годы текли, и надежды обращались в прах... и они молчали, молчали перед лицом безмозглых фанатиков, уверенных, будто их мифическая Верность еще имеет какую-то ценность в этом, таком старом Мироздании.

– «Кронг» уйдет в то утро, когда бен Харра доложит нам о готовности. А мы, – голос Аифа стал твердым, как желтый драконий клык, украшавший верхушку его митры, – а мы встретим пророчество во всей силе своей Верности!

Сыновья молча склонили головы. И ни в одном из них не проснулись страх или жалость к самому себе.

Глава 2.

1.

Мокрая метель, наотмашь бьющая по лицу, едва не валила его с ног. Близились сумерки, и он знал, что должен дойти до лесного массива, синевшего на юге – впрочем, через проклятые стрелы влажного снега юноша плохо различал его контуры, и уж тем более он не был уверен, что лес находится именно к югу. Временами ему начинало казаться, что он вообще бредет по кругу, и дьявольское плоскогорье так никогда и не закончится.

Он не ел уже двое суток. Пару ночей тому он израсходовал последний патрон на то, чтобы пристрелить небольшого серого в белых пятнах зверька; мясо было жестким, противно отдавало чем-то нехорошим, но, тем не менее, он съел его сырым, съел быстрее, чем успел пожалеть об этом. С тех пор он не встретил ни единого живого существа. Его некогда крепкий костюм превратился в мокрые кожаные лохмотья, сапоги были полны влаги, и он давно уже не чувствовал своих ног. Впрочем, ему было все равно. Днем он кое-как ориентировался по солнцу и шел, шел, шел... впереди были еще тысячи лон.

Надежда на спасение, согревшая его в тот миг, когда он вырвался из белой хватки ледяных полей и вошел в тот первый, редкий еще лес, давно уже угасла, уступив место тупому, полубессознательному упрямству. Он брел, спотыкаясь и падая, практически не осознавая того, что где-то здесь, среди невысоких холмов заснеженной зимней степи, уже лежат дороги-зимники тех, кто предпочитает жить подальше от Сыновей, Свободных Солдат и всех прочих, претендующих на власть над телами и душами. Он не знал, что самым лучшим выбором был бы поиск такой дороги – а потом ожидание спасения. Ему было все равно.

Ветер вдруг усилился – резко, словно бы ударом. Сделав несколько шагов – каждый шаг он сопровождал долгим, протяжным стоном, – путник повалился на снег.

Он не открывал глаз. Липкие, отвратительно холодные струи хлестали его по лицу, крупные снежинки быстро таяли, но на место им немедленно приходили новые. Несколько минут спустя он почувствовал, что лицо покрылось слоем снега. Тогда юноша зашевелился, машинально провел по нему рукой и попытался сесть.

В это мгновение небольшой холмик, на который он упал, начал шевелиться.

Сперва юноша не осознавал происходящего под ним. Он забеспокоился лишь тогда, когда ощутил, что скатывается куда-то вниз... он открыл глаза и поднялся на четвереньки. То, что он увидел, показалось ему кошмаром, на какое-то мгновение в разом прояснившемся мозгу возникла уверенность, что он уже умер, и теперь, на пороге вечности, его встречает один из демонов Бесконечных Путей.

Но это было не так. Он понял, а поняв, с воплем подпрыгнул и выхватил из-за пазухи нож.

Кошмарная змеиная голова, слабо светившаяся двумя парами узких жемчужных глаз, резко качнулась вслед за ним. Юноша ударил ее ножом – раз, другой, потом замолотил, как пулемет, яростно, плохо разбирая, куда и как он попадает. Метельное плоскогорье разорвал тонкий, полный боли и ужаса, визг. Тело юноши взлетело в воздух, теперь снежный червь целиком выпростался из своей засады, его кольца принялись мять и ломать тело непокрытой добычи. В унисон с червем закричал и юноша...

Ранним утром, когда кроваво-красный диск далекого солнца еще не успел целиком выбраться из-за холмов, возле огромной лужи желтой крови остановилась машина. Чаф-чаф-чаф, сказал ее двигатель. Чаф-ф... чаф-ф... обороты упали до минимума, теперь из высокой трубы тянулась лишь тоненькая струйка черного угольного дыма.

В прямоугольной, грубо сваренной рубке распахнулась дверь, явно снятая с какого-то более сложного и утонченного аппарата.

– Червяк, – уверенно произнес хриплый фальцет. – Вылазь, Канда, смотри-ка – червь! Я думал, их уже всех у нас извели, а тут, вот, пожалуйста. Дела-а... кто ж это его? Неужто опять фурканы проснулись, а?

– Какие, к Орму, фурканы! – возразил ему другой. – А ну-ка...

Над изуродованной головой снежного червя склонились две фигуры, закутанные в плотные меховые куртки.

– Вот его кто угандошил, – задумчиво объявил Канда. – Откуда он тут, интересно, взялся? Явно не из наших. И не Солдат. А ну, Лопе, переверни-ка его на спину.

Хриплый Лопе наклонился над изломанным трупом, что лежал, наполовину занесенный снегом, меж свернутых в смертной муке колец гигантского снежного червя. Правая рука неизвестного смельчака сжимала рукоять странного кинжала, который был до упора вбит в один из глаз зверя – в последний. Казалось, умирая, человек зацепился за своего врага, чтобы не провалиться в одному ему видимую пропасть.

Лопе бесцеремонно извлек до странности легкое тело из застывших объятий хищника, перевернул его на спину и внимательно вгляделся в запавшее лицо молодого парня.

– Да это Светлый! – воскликнул он. – О-орм, да он жив!

– Жив!? – поразился его спутник.

– Да, дышит. Давай занесем его в кабину. Если парняга умудрился с одним ножом завалять червяка, значит, закалка у него что надо. Может, и доведем до поселка. Старому Бурку понравится такой подарок. Если парень выживет, Бурк, может, выдаст за него свою внучку.

Канда поглядел на Лопе нехорошим взглядом, но возражать не стал. Мужчины легко забросили раненого в уютное меховое нутро своего снегохода, вновь зачихал паровой движок, скрипнули, разворачивая машину, бортовые редукторы, и через мгновение мокрый снег, вылетевший из-под широких гусениц, почти скрыл следы недавней битвы.

В дороге Лопе кое-как осмотрел раненого, и с облегчением убедился в том, что большинство костей целы. Истощение юноши, говорившее о том, что он проделал огромный и нелегкий путь, изумило охотника.

– Откуда ж он тут, к Орму, взялся-то? – удивленно просипел он. – Разве что с самолета разбившегося... но разве у этих хреновых Сыночков остались самолеты? Рули, Канда, поживее: чую, Бурк сегодня отсыплет нам грибов по самые уши...

Час спустя снегоход уже шел по извилистым улочкам небольшого селения, стоявшего на берегу реки. Лопе глазел по сторонам, нетерпеливо созерцая добротные каменные строения, над которыми сизо курились утренние дымки печей, и все подгонял своего приятеля. Наконец Канда свернул в какой-то тупик, убавил обороты.

– Я сейчас, – пробормотал Лопе, выскакивая на улицу. – Эй, Бурк! – замолотил он в ворота чьей-то зажиточной усадьбы – из-за ворот виднелся ладный белый фасад высокого кирпичного дома, – Эй, почтенный Бурк, отворите, эт я, Лопе Красус, эй!

В ответ ему пронзительно залаяли собаки.

Калитка наконец распахнулась.

– Красус? – на Лопе неодобрительно – спросонья – смотрели круглые глаза высоченного старика в домашней жилетке мехом вовнутрь, под которой виднелась белая железная цепь с синим камнем. – Ты что, отмерз, парень? С утра грибов решил, что ли...

– А и грибочков можно, – весело подмигнул старцу Лопе. – Подарок у меня для вас, почтенный, первый класс подарочек, ага. Извольте уж глянуть, а потом и о грибках поговорим.

– Да что за подарок такой на рассвете? – возмутился Бурк. – Что ты, болван грибной, мелешь-то, а?

– Да вы гляньте только, гляньте, – заскулил Лопе, вытаскивая старика за ворота. – Гляньте, говорю!

Забравшись в кабину снегохода, почтенный Бурк наконец проснулся.

Сразу.

Быстрыми, но осторожными движениями он ощупал все тело юноши, зачем-то поднял ему правое веко и внимательно всмотрелся в серый безжизненный глаз.

– Ладно, – сказал он, – давайте, заносите его в дом. А за грибами к обеду заедете, а то знаю я вас...

2.

– Справа по курсу находится звезда класса Сол. Расстояние до нее – менее года. Астрономы насчитали семь планет, и по их мнению, две из них вполне могут оказаться подходящими для нас. К сожалению, на «Надире» погибли все специалисты, а люди с «Шеера» и «Саксона» не обладают достаточной квалификацией, чтобы точно сказать, каковы биофизические условия этих миров...

В кают-компании начался хаос.

Презрев погоны и мундиры, офицеры вскакивали со своих мест, кричали перебивая друг друга, и Волльмеру понадобилось несколько минут, чтобы заставить людей придти в себя. Он понимал, он очень хорошо понимал их. Они шли в неизвестность уже несколько месяцев. Радиотелескопы «Надира» обшаривали окрестности в поисках хоть сколько-нибудь приемлемого места для стоянки, но все тщетно, а тут – такая редкая, почти невероятная удача!

Они готовились к долгой робинзонаде на дикой, абсолютно непригодной для жизни планете, готовились к невыносимому заточению в бронированных скорлупах своих звездолетов, сознавая, что в лучшем случае им посчастливится найти планету с не слишком высоким тяготением и приемлемым уровнем излучения. Они знали, что их ждет изнурительная работа в тяжелых защитных скафандрах, само пребывание в которых мучительно – и вот теперь, скорее всего, вместо скафандров их ждут лишь легкие дыхательные маски и неизбежные бактериологические фильтры... людям казалось, что прямо сейчас с них свалилась многомесячная тяжесть бронированных наплечников – тяжесть, которую они еще не успели ощутить, но зато уже успели ею пропитаться.

– Да, это все так, – продолжил Волльмер, когда в помещении наступила наконец тишина. – Мы уже завершили поворот, и теперь двигаемся прямо туда. Через пару суток мы уже будем знать, что нас ждет... но у меня есть еще одна новость, далеко не такая добрая. Сегодня «Надир» поймал обрывки дальних переговоров: вокруг Беллами идет сражение, господа...

– О, ч-черт! – громко сказал кто-то.

... – Удивляюсь я вам, доктор. Поспали бы что ли... только с вахты, а все туда же!

– Да устал я отсыпаться, Мэри-Бин. Только и делаю, что сплю и книжки читаю.

Крупнотелая, приятно округлая девушка с игривыми черными глазками жеманно отстранила руку Огоновского, улегшуюся на ее правом бедре и рассмеялась:

– Признаться, мне и самой бывает одиноко... но нельзя же так! Мы с вами и не знакомы почти! Ах-ах-ах, скажите еще: «вот, типа, и познакомимся», а?

– Несерьезная ты, Мэри-Бин. Я, старый больной человек, да ты гордиться должна, особенно при твоем-то одиночестве!

За спиной Огоновского с шипением раскрылась дверь отсека, и в белый свет потолочных ламп всунулась молодая остроносая физиономия, обрамленная буйными черными локонами.

– Андрей, – заговорщическим тоном прошипела она, – я тут такое узнал!

– Что там еще? – недовольно обернулся майор, оторванный от дела на самом интересном месте.

– А-аа, идем. Мы там в ординаторской собрались, все это дело впрыснуть надо. Либих свой коньяк достал. Пошли-пошли, новость – закачаешься!

Огоновский недовольно фыркнул, подмигнул несколько обескураженной сестре и вышел вслед за молодым чернявым капитаном, на котором был не совсем уместный врачу синий бортовой комбинезон с кобурой.

– Что это ты вырядился-то? – удивленно поинтересовался он у своего коллеги. – Что, парад, что ли?

– У-уу, – с восторгом завыл тот. – Надо бы, надо бы... но, ладно, и так справимся.

Пройдя коротким слабо освещенным коридором они уперлись в двери ординаторской. Капитан коснулся сенсора, и на Огоновского обрушился целый шквал восторженных воплей, перемежаемых многоголосым смехом. Видимо, в тесный отсек набилось все отделение общей хирургии, включая вахтенных, раненых и даже спящих после вахты докторов.

– А-аа, это вы, майор! – заревел, бросаясь обниматься, старший врач отделения подполковник Либих, давно известный своей кадровой занудливостью.

Огоновский недоуменно отпрянул и обвел присутствующих ничего не понимающими глазами.

– Это даже не день рождения, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – А что же?

– Он еще ничего не знает! – выкрикнул кто-то.

– А что я должен знать? – поинтересовался Огоновский, понимая, что произошло нечто воистину экстраординарное. Уж если Либих выкатил свой собственный коньяк... – Что, мы уже победили? Так вроде еще рано...

– Вторая планета, – загомонили несколько докторов разом, – вторая планета, господа помилуй, при-год-на для жизни! При-год-на, Андрей! И мы будем там через неделю максимум! Прощайте, скафандры! Будем жить, как в раю, устроим, наконец, себе отпуска. Пока ребята будут ремонтироваться, мы будем в морях купаться!

Огоновский присел на стол и взял в руки стопку либиховского коньяку.

– Это здорово, – признался он. – А вы уверены, что там никто не живет?

– Че-его?

Доктор Либих едва не потерял дар речи.

– Вы не переутомились, Андрей? – заботливо поинтересовался он. – Помнится, вы так долго тащили вахту в этом как его, грантауэре...

– Не-а. Я так, подумал чего-то.

Огоновский меланхолично проглотил коньяк, закусил его кусочком рационного шоколада и добавил, глядя себе под ноги:

– А то будет нам сафари.

– А вдруг в самом деле... – нерешительно сказал кто-то. – Все-таки такая редкость...

– А вот идите вы все к черту! – выкрикнула лейтенант Анджелина Деж, сорокалетняя резервистка, пол-жизни просидевшая в роскошной косметологической клинике. – Не хочу я в это верить. Не буду, и все! А вы, старый бука, не смейте портить нам праздник.

– Да я-то что, – нисколько не обиделся Огоновский. – Я ж так, просто...

Поглядев на Анджелину, которая укоротила форменную юбку в первый же день призыва, Огоновский подумал, что он, бука, будет несколько моложе этой животрепещущей девчонки.

«Стало быть, планета земного типа, – размышлял он. Что ж, мои цыплятки, я посмотрю, какой отпуск вы там себе устроите. Дичайший мир, почти наверняка кишачий всякими добрыми тварями, которым и днем и ночью хочется кушать... Купаться они будут, как же. Ну-ну, я хотел бы на это посмотреть. Впрочем, что это я в самом деле? Не будем портить людям настроение.»

В углу завели умнейший разговор о перспективах планетарного ремонта. Огоновский посмотрел на говоривших: то были двое молодых резервистов, милейшие, в общем-то ребята,

главный недостаток которых заключался в том, что, едва напялив на себя синие мундиры, они сразу же возомнили себя выдающимися знатоками космических дел. Этак, решил он, парни и до стратегии договорятся. Не сегодня-завтра начнут цитировать Сунь-Цзы...

– Прекрасный коньяк, – сообщил он Либиху.

– А отчего же, вы пейте, пейте, у меня этого добра полно, – обрадовался тот. – А вот скажите-ка, – старший врач доверительно понизил голос, – правда, наверное, что на... ну, на не очень освоенных планетах могут быть всякие неожиданности?

Огоновский призвал на помощь все свое самообладание.

– Самой мелкой неожиданностью может быть неблагоприятная бакобстановка, – ответил он, поражаясь идиотизму кадрового флотского доктора: услышав такое от Анджелины, он бы и не удивился, но ведь Либих, по идее, проболтался в космосе лет так сорок, неужели же он не понимает элементарного?

– Надеюсь, нам помогут фильтры, – заметил Либих, вдруг переходя от возбуждения к полнейшей рассеянности.

Огоновский пожал плечами и подумал о том, что самым лучшим решением будет незаметно испариться и найти, пока она не легла спать, веселуху Мэри-Бин. Все же превосходный коньяк заставил его задержаться – еще на пару рюмок. Он покрутил в руках высокую зеленую бутылку с яркой, сине-золотой этикеткой и прицелился накапать себе новую порцию.

В эту секунду под потолком, перекрывая общий гул, неистово заревела сирена.

– Экипажу занять места согласно боевому расписанию! – возопил трубный глас старшего вахтенного офицера.

– По местам, по местам! – бледно засуетился Либих, первым отреагировавший на тревогу.

– Это все вы, Огоновский! – пискляво выкрикнул чей-то голос.

Андрей не отвечал. Он быстро опрокинул в рот рюмку и спрыгнул со стола.

Его ждал шестой грантауэр левого борта.

3.

– Шестой-левый заряжен, исправен, к бою готов! – проорал Харпер, едва перед его глазами замигали зеленые огоньки тест-системы.

Андрей удобно устроился в глубоком кресле, защелкнул на груди ремни и потянул из-под низкого потолка прицельную маску. Пружина на витых спагеттинах проводов, маска упруго облекла его физиономию. На несколько секунд он ослеп.

– Огня не открывать, – мрачно буркнул за его спиной голос вахтенного канонира. – Пока я не дам полное совмещение нулей, даже не дергайтесь.

– О, черт, – услышал Андрей недоуменный голос кэпа Харпера. – Что бы это значило?

Огоновский наконец установил ориентировку визира на внутренний режим. Это было смешно: Харпер выглядел зеленовато, будто после недельного запоя.

– Я не понимаю, – продолжал он, задумчиво дергая свою маску, висевшую возле его правого плеча, – если они нас опять догнали, то почему тогда не стрелять?

– Ну давайте в конце концов посмотрим, что у нас там, – предложил Андрей. – Врубайте местный обзорник. Если сволочь заходит по левому борту, то, может быть, и увидим...

– Вряд ли, вряд ли... – с сомнением зашевелился Харпер. – Наверное, их «Надир» увидел – но я все равно ни черта не понимаю.

В это же время в ходовой рубке «Саксона» кипела горячая дискуссия. Довольно просторное помещение было до отказа забито старшими офицерами крохотной эскадры, которые бурно обсуждали увиденное.

По приказу Волльмера все системы дальнего предупреждения, коими был плотно нафарширован фрегат «Надир», постоянно смотрели назад, туда, откуда осторожный генерал по-прежнему ожидал нападения. Главной задачей было увидеть преследователей с максимально возможной дистанции, позволявшей совершить форсированный маневр уклонения. Вперед не смотрели, ибо уж там-то противника быть не могло. Оглядывающаяся эскадра медленно подползала к небольшой желтой звездочке, вокруг которой крутилась пригодная для жизни планета, навигаторы уже начали расчет тормозного маневра – и тут началось. Первый штурман «Сакса», решив поточнее сориентироваться в условиях незнакомой ему системы, врубил радары передней полусферы. Буквально на второй секунде обзора по линкору полетел тягучий рев сирены.

Начался переполох, вполне обычный для военного корабля. Ситуация не предусматривалась уставами и боевыми уложениями и мало кто на борту представлял себе, что делать.

Из системы, медленно и вяло разгоняясь, выходил крохотный – метров семьсот в длину, не больше – сигарообразный кораблик. Мозг «Сакса» не смог его идентифицировать: вышло, что эскадра встретила с чужаком. Примчавшийся в ходовую рубку Волльмер немедленно объявил большой военный совет. На всех трех кораблях экипажи занимали посты согласно боевому расписанию.

Главный инженер «Сакса» полковник Варнезе нетерпеливо гонял по малому навигационному экрану изображение загадочного кораблика, прокручивая его в разных ракурсах.

– Это субсветовик, – уверенно заявил он. – Идет на реактивной тяге, и, клянусь бычьими яйцами, идет прямо на нас.

– Это слепому видно, – возмущенно фыркнул первый штурман. – С такой динамикой разгона ему потребуется около сорока суток... Интересно, они нас что, не видят?

– А вы бы увидели? – возразил Варнезе. – Может, у них обычная антикварная радиооптика. Как вы нас разглядите? На нашей-то скорости, и с нашей защитой мы для них просто не существуем. Смотрите, у них реактивные движки, скорее всего, там какая-то антиматерия в качестве рабочего тела, и никаких волновых усилителей, ничего такого: просто давят на среду и все. Как это... эйнштейнова физика.

– Так может, – предложил Волльмер только для того, чтобы не молчать, – врубим ходовые огни?

Штурман задумчиво пожал плечами. Для реконструкции курса субсветового звездолета ему потребовалось несколько минут – чужак явно шел от второй планеты. Следовало понять, кто это: корабль хозяев или какие-то залетные исследователи?

– Черт побери, неужели на «Надире» не осталось ни одного спеца, умеющего перепрограммировать обзорные мозги? – раздраженно спросил он.

Полковник Варнезе покачал головой.

– Я с трудом добился от них данных по биофизике этой планеты. Ничего умнее они мне не расскажут. По крайней мере, до тех пор, пока мы не войдем в систему.

– Командир, – бабахнуло под потолком, – мы его доставили.

– А, – радостно зашевелился Волльмер. – Давайте там поживее.

Пять минут спустя в рубку втокнули антигравитационное кресло. В кресле восседал щуплый мужчина лет сорока в больничной пижаме, имевший вид одновременно горестный и потрепанный. Это был доктор ксенологии майор Мелеш, случайно обнаружившийся в одной из послеоперационных палат «Парацельса». Когда-то Мелеш служил в штабе крупного аврорского соединения в качестве ведущего офицера-ксенолога, но в конце концов его феерическое, неправдоподобное пьянство довело командование до истерики, и майора закинули на борт какого-то линкора энергетиком. Линкор погиб, а Мелеш был в бессознательном состоянии госпитализирован на «Парацельсе». Теперь о нем вспомнил расторопный старший офи-

цер «Сакса», который спешно просматривал материалы по личному составу в поисках редкого специалиста.

– День добрый, – кисло отрекомендовался Мелеш, обводя рубку взглядом своих небольших острых глаз.

– Дайте ему коньяку, – распорядился Волльмер, сразу понявший, с кем имеет дело. – Не видите что ли, ранен человек...

Мелеш оживился. Кто-то из пилотов протянул ему гнутую хромированную фляжку с неприкосновенным запасом; вцепившись в нее забинтованной правой рукой, ксенолог резво подъехал поближе к пульта и уставился на картинку. Несколько минут он молча глядел на экран, затем открыл флягу, блаженно глотнул – по рубке поплыл характерный аромат дешевого бренди, – и наконец причмокнул губами:

– Поздравляю вас, джентльмены. Мы открыли так называемый Седьмой Айоранский Мир. Историю все помнят?

– С чего это вы взяли? – недоверчиво спросил главный инженер.

Мелеш пожал плечами.

– Это человеческий корабль. Уровень развития примерно соответствует эпохе Ру у корварцев. Субсветовая реактивная техника, скорость около 0,8 L, радиус действия – до двадцати световых лет. Плюс-минус, я бы сказал... Вооружение не устанавливается, так как раса еще не вступала в Большой Контакт и представляет собой замкнутую социосистему. Учитывая, что мы имеем дело с не слишком типичным случаем, социум у них наверняка странноватый и не совсем соответствует теоретическим выкладкам, применимым в данной ситуации. Если кто-то захочет писать диссертацию, могу помочь. Материала у вас будет предостаточно.

– Вы во всем этом уверены, доктор? – тихо спросил Волльмер.

– Как бог свят. Я этой херней всю жизнь занимаюсь.

– Хорошо. – Волльмер выпрямился в кресле и обвел присутствующих вопросительным взглядом – но все молчали. – Тормозим до нуля, все вместе. И включить стояночные огни. Может, они все-таки увидят...

Глава 3.

1.

Сперва внутри него возник свет. Он был невыносимо ярок, и потребовалось несколько секунд на то, чтобы осознать – все-таки свет идет снаружи. Тогда он нерешительно раскрыл глаза.

И ему стало больно.

Но глаза он теперь уже не закрывал – ворочая зрачками, медленно осматривал все вокруг, туманно удивляясь этой солнечной яркости, заполнившей окружающий его мир. Через некоторое время свет почти перестал его слепить, и он смог различить контуры предметов.

– Как тебя зовут? – басовито прогудел над ним чей-то голос.

– Меня? Меня?.. – в голове вертелись, нанизываясь друг на дружку, такие знакомые слова, но он никак не мог собрать их воедино, чтобы выговорить. Наконец эти слова (или, может быть, все-таки звуки?) слились в прочную цепь. – Я Халеф бен Ледда, второй сын Светлого Ледды из Кусумма.

Сейчас он смог разглядеть лицо говорившего – это был старик с кустистыми седыми бровями, из-под которых требовательно поблескивали большущие, как у морского змея, круглые глаза. Желтые, круглые глаза.

– Меня зовут Бурк, – тонкие губы недовольно вывернулись, обнажив превосходные, как у юноши, зубы, – я судья этой деревни. Сейчас к тебе начнет возвращаться память и тогда, быть может, к вечеру ты сможешь встать на ноги.

– Деревня? – он мучительно пытался вспомнить что-то, чрезвычайно важное. – Я в деревне? Действительно, ничего не помню. Я шел, вы понимаете, я долго шел по снегу, мне было так холодно... А потом... потом я шел по лесам.

Он попытался приподняться на локтях, но крепкая рука старца решительно нажала на впалую грудь. Халеф заглянул в его глаза и понял, что сопротивляться не стоит – ему желали добра.

– Пока лежи. Ты лежал больше двух месяцев. Все это время я лечил тебя грибами и не знал, останешься ли ты человеком. Червь сильно ударил тебя головой о какой-то камень, но дело не только в камне. Ты знал, что умирая, снежный червь может лишить человека разума?

– Червь? О святое утро, кажется, я начинаю вспоминать... да, там был червь! Была метель, я страшно устал и присел на что-то. Да, точно, и на меня набросился червь.

Откуда я шел, спросил он сам себя. Как я вообще тут оказался? Я... кажется, я вылетел из Самерна на воздушном корабле, который должен был доставить нас... куда? зачем? Старик немного задвинул шторы на окне, под которым лежала кушетка Халефа. В комнате стало немного темнее, поэтому он, уже почти не шурясь, принялся разглядывать интерьер жилища своего загадочного спасителя.

Здесь было чисто и даже, пожалуй, богато: по крайней мере, далеко не каждый из его соотечественников мог похвалиться таким жильем. Стены просторной квадратной комнаты были обтянуты светло-коричневой тканью, пол из полированных фигурных досочек сверкал свежим лаком. Кое-где на стенах Халеф видел какие-то украшения, но пока еще не мог рассмотреть как следует. Напротив его кушетки почти всю стену занимал темный шкаф с несколькими книжными полками и множеством небольших дверок.

– Мне следует вознести благодарение Отцам, – твердо сказал Халеф.

– Успеешь, – иронически скривился старый Бурк. – Ты не делал этого десять недель, так что теперь лишний час ничего не изменит. Ты должен поесть, твой желудок слишком отвык от нормальной человеческой пищи. Фактически, у тебя его почти нет – но это поправимо.

Старик ободряюще кивнул и вышел. В этот момент в мозгу больного что-то отчетливо щелкнуло, и он вдруг понял, что может ощущать запахи. Это было удивительно, но не совсем приятно. Из распахнутой по верху оконной рамы форточки в комнату врвался сладковатый ветер цветущей весны, но даже он не мог перебороть застоявшийся запах человеческого тела, въевшийся в постель Халефа.

Юноша поморщился. Наверное, окно следовало бы распахнуть настежь, но он чувствовал, что пока это ему не по силам. Халеф повернулся к окну. Под стеной дома, наполняя воздух приторным ароматом, цвело какое-то незнакомое ему дерево – он видел, как ветер колышет ветви с удлинненными, будто стручки, листьями, меж которых там и сям ало горели крупные цветки. Значит, здесь уже весна? А здесь – это, собственно, где? Он в который раз принялся восстанавливать в памяти последние доступные ему события, но безуспешно, вспомнить, как он сюда попал, Халеф бен Ледда не мог.

Тихонько скрипнула дверь. Юноша повернулся и увидел, как в комнату входит рослая молодая девушка с подносом. Когда она приблизилась, Халеф подумал, что вряд ли кто решился бы назвать ее красавицей: у девушки были крупные, мужиковатые черты лица, сильные загорелые руки, под застиранной синей рубашкой едва угадывались бугорки неразвитой груди. Правда, в больших черных глазах незнакомки Халефу почудился какой-то тайный огонь, способный привлечь к себе сильнее любой красоты, но он отнес видение на счет своего состояния.

– Привет тебе, – просто сказала девушка. – Мое имя Вири. Дедушка сказал, что теперь ты будешь есть сам.

Халеф едва не застонал от стыда. Значит, это она кормила его все эти десять недель. Кормила, убирала... ему было ужасно неудобно. Сильная рука девушки приподняла его плечи, и Халеф, напрягшись, сумел сесть на постели.

– Меня зовут Халеф, – сказал он как можно приветливее. – Наверное, я скоро буду ходить. Может быть, уже сегодня.

– Может быть, – улыбаясь, согласилась Вири.

Она говорила на его языке с мягким, незнакомым Халефу акцентом.

К вечеру он действительно встал. Шатаясь, цепляясь почти бессильными пальцами за стены, Халеф добрался до туалета в дальнем углу на удивление обширного дома, а потом, отказавшись от помощи Вири, выполз на улицу. Бурк что-то делал у двери угольного сарая. Завидев белого как мел, но счастливого Халефа, он одобрительно хмыкнул и усадил юношу на скамью под деревом с красными цветками.

– Все будет нормально.

– Когда я... вспомню? – щурясь от обилия закатного солнца, спросил Халеф.

– Этого я не знаю, – развел руками Бурк. – Ты остался человеком, а это сейчас главное. Некоторые куски твоей памяти все еще закрыты от тебя червем, и может потребоваться довольно много времени, чтобы ты вновь обрел над ними контроль. Я видел случаи и похуже.

– Какая это страна, судья Бурк? Это Саарел?

– Да, северная область. Солдаты нас не трогают, а ваши так далеко, что мы уже и забыли про них.

– Здесь все так хорошо говорят на языке Сыновей?

– Некоторые. – Бурк нахмурился и, достав из кармана куртки костяную трубочку, принялся набивать ее каким-то белым порошком, который он хранил в мешочке на шее. – Здесь есть несколько семей беженцев... родители Вири тоже жили когда-то у вас.

– И она тоже?

– Она родилась здесь. Я обучил ее нескольким языкам, тут это может пригодиться. К тому же несколько ее сверстников по-прежнему говорят на языке своих предков.

– Я должен вернуться в Страну Верных, – устало произнес Халеф, понимая, что это почти невозможно. – Мне нужно встретиться с представителями местных властей. Может быть, они помогут мне связаться...

Бурк покачал головой.

– Это невозможно. Уж не думаешь ли ты, что кто-то станет помогать тебе перейти через тщательно охраняемые границы? К тому же отсюда ты можешь добраться только до Солдат, и никуда больше – а уж они-то, как ты понимаешь, не станут возиться со Светлым. И вообще, местная власть, – это, в сущности, я. Здесь, на севере, нет ни наместников, ни военных. Только выборные судьи да окружной мытарь, вот и вся власть. Наш люд не очень-то позволяет руководить собой.

Халеф кивнул.

«Мог бы забрести и к Солдатам, – подумал он, наблюдая, как старик тщательно раскуривает свою загадочную трубочку. – Тогда – конец, причем, наверное, сразу. А может, помучился бы... Но вот что странно... если представить себе карту, то получается, что я брел с севера. Что, интересно, я мог там делать? Мы вылетели из Саммерна. Кто мы? Куда мы летели? Нет... нет, ничего не помню».

Зрачки старика сузились, и он посмотрел на своего гостя странным, долгим взглядом.

– Ты можешь помолиться, – сказал он. – Циновку тебе даст Вири.

Утром он проснулся, уже не чувствуя ни вчерашней ломоты в теле, ни неприятной рези в глазах. За окном сияло радостное весеннее солнце. Бен Ледда соскочил с кровати, сделал несколько дыхательных упражнений и решительно отправился на поиски Вири: ему отчаянно хотелось есть, а этом доме, как он понял, завтракали и обедали без намека на каой-либо распорядок.

Девушку он застал на кухне. Вири топила углем большую белую плиту и одновременно помешивала вкусно пахнущее варево в кастрюле.

– Голоден? – просто спросила она. – Иди пока умойся, грибы будут минут через двадцать.

Ополоснув под горячим металлическим цилиндром лицо, Халеф вышел во двор. Из конуры рядом с воротами на него дружелюбно глянул огромный серый пес. Юноша позвал его, и собака, потягиваясь всем телом, не спеша выбралась на свет.

– Ну, старина, – пробормотал Халеф, почесывая густую шерсть на шее животного, – как у нас дела?

Псина зевнула, лениво помахала хвостом и улеглась возле скамьи. Где-то в глубине дома раздалось низкое гудение. Халеф прислушался: он готов был поклясться, что это электрогенератор. Вчера, все еще чумной после многодневного пребывания в коме, он не обратил внимания, чем и как старый судья освещал свое жилище.

– Ого, так у них тут даже и энергия есть? – удивленно пробормотал Халеф, прислушиваясь к знакомому гулу.

Оставив собаку дремать на солнышке, бен Ледда прошел в дом. В длинном полутемном коридоре первого этажа он увидел Вири, которая, открыв незамеченный им ранее стеной шкаф, сосредоточенно возилась в его глубине, подсвечивая себе маленьким ацетиленовым фонариком.

– Что случилось? – спросил Халеф, подходя ближе.

– Насос... – проворчала Вири. – Не хочет, подлый, качать, и все тут.

– Какой насос? – не понял юноша.

– Да водяной, какой еще! Тут почти у всех свои скважины...

– Давай я гляну, – предложил он.

– Чего? – поразились Вири, оборачиваясь к нему. – Ты, Светлый, разбираешься в технике?

– Меня кое-чему учили, – Халеф решительно отстранил ее в сторону и заглянул в шкаф.

Насос имел совершенно незнакомую ему конструкцию. Надписи были сделаны, кажется, на языке мариш, принятом у Солдат. Поковырявшись с насосом несколько минут, Халеф нашел причину отказа: в маленьком распределительном щитке с предохранителями, вынесенном, для удобства обслуживания, из корпуса, обгорела клемма. Подогнув ее так, чтобы обеспечить приемлемый контакт, Халеф вылез из шкафа и улыбнулся:

– Включай. По-моему, это оно.

Вири с недоверчивой ухмылкой прижала кнопку пуска, и насос, мокро чавкнув, завыл.

– Даже странно, – подняла брови девушка. – Я думала, что вы там уже и забыли, что такое техника. Все своим Папашам молитесь и людей вешаете.

– Не совсем так, – примиряюще покачал головой Халеф. – Хотя кое в чем ты, наверное, права. Я и сам думаю, что ничем хорошим это не кончится.

– Кончится тем, что к вам придут Солдаты, вот увидишь. И поделом. Нечего на ровном месте с ума сходить. Идем, пора завтракать.

Завтрак, состоявший из жареной рыбы в густом грибном вареве, Халеф проглотил одним махом. Облизав ложку, юноша сложил на животе ладони и поднял на Вири умоляющие глаза.

– Нет, – сказала она. – Никакой добавки. Мне не жалко, тут на всех хватит, но тебе еще нельзя. Дед сказал, что у тебя почти атрофировался желудок. Если сразу натрескаться до отвала, можешь ноги откинуть. Иди лучше, сиди на солнышке.

– А погулять можно? – поинтересовался Халеф.

– Тоже нет. Гуляй себе в саду, но к реке не спускайся.

Халеф церемонно поклонился и вышел.

Ближе к полудню появился судья. Сидя среди цветущих фруктовых деревьев, Халеф услышал, как возле ворот остановился фырчащий автомобиль, скрипнула калитка, и до его слуха донесся негромкий голос Бурка – очевидно, тот приехал не один. Вскоре за спиной юноши треснуло, раскрываясь, окно. Он обернулся, чтобы через неплотные шторы различить смутный силуэт судьи и его гостя, очевидно, высокого сухого мужчины с неестественно прямой спиной. Не видя Халефа, они негромко заговорили на мариш. Бен Ледда, невольно прислушиваясь к разговору, так и не сумел ничего понять: мариш был для него совершенно чужим.

И все же несколько слов врезались ему в подсознание настолько крепко, что он еще долго размышлял о том, что бы они могли значить: Бу Бруни и «пророчество», произнесенное на его языке, причем собеседник Бурка повторил это слово несколько раз. Халеф не помнил, что такое Бу Бруни – имя? место? – но мог спорить, что совсем недавно он знал это очень хорошо.

2.

В центральном посту управления ярко светились неприятно-белые потолочные плафоны, где-то за пластиком переборки едва слышно гудел какой-то механизм. Тон гудения то и дело менялся, свидетельствуя о неисправности, но сейчас никому из присутствующих и в голову не пришло бы рабраться, что там случилось. Все были заняты собственными мыслями, по большей части весьма и весьма тягостными.

Здесь собрались все пятнадцать человек экипажа, за исключением главного механика Блаза, находившегося сейчас в двигателях. Они ждали, когда Блаз, заканчивавший ревизию главного триггера, вынесет свой приговор.

Тягостное молчание решил прервать командир – рыжеволосый мужчина лет сорока по имени Рукка.

– Я, кажется, высчитал, что за неполный год мы сможем развернуться и взять курс на возвращение, – медленно сообщил он, поднимая голову от панели главного навигационного вычислителя. – Топлива должно хватить. Я, конечно, не уверен...

Здесь никто и ни в чем не был уверен.

Не они строили этот звездолет, не они рассчитывали и испытывали эту сложнейшую конструкцию, способную донести человека до далеких звезд – их лишь научили ею пользоваться, да и то кое-как, наскоро, не особенно заботясь о результате. Да и учили их всех не вчера. За прошедшие годы что-то успело подзабыться, а что-то и намертво выветриться из памяти. Поднимаясь на борт своего корабля, бен Рукка испытывал сложные чувства. С одной стороны, он был охвачен гордостью за себя, ведь именно ему Сыновья доверили святую миссию поиска Великих Отцов, давно ушедших к звездам и завещавшим своим непутевым сыновьям вечную Верность, не знающую ни срока, ни сомнений. С другой стороны, провинциальный проповедник бен Рукка довольно смутно помнил то, чему его когда-то учили еретики, упрятанные в снегах Трандарских гор.

Остальные члены экипажа были ничуть не лучше. Уже стартовав (как им это удалось, они и сами не понимали), специалисты принялись практически заново осваивать свои профессии. Все они так или иначе ошибались, но мудрая техника исправляла ошибки, часто думая вместо них. Так было до тех пор, пока не ошибся навигатор, молодой приближенный Сыновей Казис. Именно он, путаясь в море информации старинных справочников, прокладывал курс выхода из их солнечной системы. Именно он, Казис, допустил ошибку, которую машина не смогла исправить: их старый «Кронг», презрев законы гравитационногоклонения, слишком круто пошел на обгон громадной внешней планеты. Двигатели пришлось перегрузить – совсем ненадолго, на несколько секунд, но этого, видимо, было достаточно для того, чтобы вышел из строя главный триггерный стабилизатор. Потоки плазмы, плещущие в керамических кавернах маршевого двигателя, оказались во власти хаоса, грозящего превратить звездолет в короткую беззвучную вспышку. Тогда бен Рукка приказал снизить нагрузку, и им стало ясно что до звезд уже не дойти.

Теперь оставалось только одно: несколько недель корабль будет тормозить, чтобы сбросить скорость до величин, допустимых при маневре, а затем – многомесячный разворот, скорее всего – в обход системы. Через год «Кронг» сможет вернуться домой. Как они будут смотреть в глаза Сыновей, пославших их с этой священной миссией?

В центральный пост вернулся Блаз.

– Нам следует совершить обряд очищения, братья, – глухо проговорил он, пряча глаза. – Вторая стабилизирующая ступень полностью вышла из строя. Мы никогда не сможем разогнаться до расчетных скоростей.

Бен Рукка покачал головой.

– Тогда тормозить следует прямо сейчас, пока «Кронг» еще подвержен влиянию тяготения нашей системы. Надеюсь, что Светлый Казис, – он бросил на навигатора полный ненависти взгляд, – сумеет рассчитать наши действия. Я же пока начну подготовку к обряду. Займите свои места, братья. Когда я буду готов, я вызову вас.

Угрюмо переглядываясь, члены экипажа расползлись по своим рабочим местам. Бен Рукка, запершись в своей тесной каютке, распахнул стенной шкаф и извлек толстый, окованный по краям переплета том в потрескавшейся от старости коже. С благоговением провел он по нему кончиками пальцев. Эта книга помнила целые столетия, в течении которых Память о Верности сохранялась лишь некоторыми, не способными забыть. В те дикие времена его соплеменники предпочитали думать не о духе, но о теле, обрастая ненужными предметами и машинами, которые год от года становились все более сложными и – с точки зрения Рукки – бессмысленными. Разве машины помогут слабому человеку, против которого стоит весь окружающий его мир, сохранить завещанную Верность Отцам? Отцам, которые привели человека

в этот мир, дабы испытать его Дух и завещать ему Службу, исполнение которой так же неотвратимо, как восход солнца?

Нет и еще раз нет.

Отцы ушли; раз так, человек обязан сам найти их, дабы доказать свою нетленную Верность и исполнить наконец завещанную Службу. Именно для этого они были посланы сюда.

Что ж, вздохнул Рукка, человек, как завещано, слаб. Нам не удалось исполнить великую Волю – что ж, на наше место придут другие.

И он раскрыл книгу.

Несколько часов его пальцы трепетно перебирали ломкие, гармошкой сложенные страницы. Несколько часов бен Рукка вчитывался в волнистую вязь Завещания, снова и снова, как в юности, отыскивая в нем свою силу. Снова смотрел он на искусные копии древних миниатюр, что изображали Отцов во всем их величии. Наконец, ощутив, как мелко пульсирует в жилах разогревшаяся кровь, весь проникнутый возвышенным экстазом, бен Рукка спрятал фолиант и приготовился вызывать своих подчиненных на древний обряд.

В этот момент интерком сам собой включился сигналом экстренного вызова. Его вызывал астроном.

Задышавшись неожиданной яростью, командир ответил на вызов, но не успел сказать и слова:

– Там!.. там!!! Я вижу Отцов, они двигаются к нам на помощь! – хрипло, сорванно визжал астроном. – О Святое утро, как они прекрасны! Их корабли огромны, как целый город! Они светятся, как десятки звезд!

Не помня себя, бен Рукка выскочил из каюты и бросился по узкому коридору. В его голове мешались, наползая одна на другую, десятки мыслей. Добравшись до астрономической рубки, он застал корабельного астронома Гоуза в состоянии полнейшего экстаза. Тот, как зачарованный, сидел перед небольшим экраном универсального вычислителя, на котором, слегка подрагивая – Гоуз выкрутил усиление на предел, – сверкали множеством огоньков три объекта, отдаленно напоминающие по форме их собственный корабль. Два, увенчанные какими-то сложными конструкциями, похожими на небольшие крылышки, были очень велики. Рукка понимал, что на таком расстоянии данные радара весьма и весьма относительны, но при любой погрешности эти цифры шокировали его: длина объектов исчислялась тысячами лонов. Третий, несколько отличающийся от них по виду, был значительно меньше, но все равно по размерам в десять раз превосходил «Кронг».

Рукка замер перед экраном, не произнося ни слова.

Корабли Отцов, некогда доставившие его народ в этот мир, выглядели совершенно иначе. Если дошедшие из глубины тысячелетий рисунки были верны – а в этом никто не сомневался – то, во-первых, Ковчег был намного меньше, и формой он почти всегда напоминал сплюснутый гриб на тонкой, сужающейся вниз ножке, а во-вторых, они никогда не были такими пугающе-черными...

Отцы ли это?

Рукка почувствовал, как холодные пальцы ужаса перехватывают ему горло. Если это не Отцы, то... В глубине своей, довольно лукавой, души, бен Рукка не очень верил в то, что ему выпадет честь встретить Ушедших. С тех пор, как они ушли, прошло очень много времени, много тысячелетий. Уцелели ли они сами, ведь, согласно преданиям, Отцы ушли, чтобы сражаться? А если уцелели, почему не нашли времени на то, чтобы вспомнить своих приемышей, заброшенных ими в довольно-таки враждебный мир?

И с кем-то же они воевали там, среди бесконечных звездных дорог? Раз так, то почему же не допустить, что мире существуют и другие разумы, так же способные на покорение далеких путей? Завещание умалчивало об этом, а что не сказано в Книге – то не важно...

– О, Святое утро... – вдруг застонал астроном. – Что же это?

Один из кораблей – а Рукка уже несколько не сомневался в том, что перед ним именно корабли, – вдруг резко двинулся вперед, множество сверкающих на его теле огоньков слились в тонюсенькие белые полосы. Рукке показалось, что он движется прямо на них. Астроном склонился над клавиатурой своего вычислителя, пытаясь определить скорость объекта, но не мог: черный гигант разогнался слишком быстро. Как зачарованный, наблюдал Рукка за движением теряющего контуры черного пятна. Менее чем через три минуты оно превратилось в какую-то тусклую сероватую кляксу, а потом – исчезло!

– О, – прошептал астроном, – я не могу в это поверить... он разогнался до сверхсветовой скорости. Как такое возможно?

– Может, ошибка в счислении? – тоже шепотом спросил бен Рукка.

– Может... но почему остальные два мы видим, а третьего – нет?.. он... он словно размазлся...

Мгновение спустя мозг командира пронзила фантастическая догадка.

– Мы видим их... давно! – прокричал он, вскакивая. – Несколько минут назад!!! Передайте в пост: экстренное торможение!

Он неся в центральный пост управления так, как не бегал никогда в жизни.

3.

Старший штурман оторвался от висевшей перед ним иллюзорной клавиатуры и зачем-то потрогал тонкий обруч системы внутренней связи, который диадемой венчал его начавшую сесть голову.

– Динамика неблагоприятная, – сообщил он невидимому командиру. – Они резко снизили темп разгона. Если эта кривая сохранится на протяжении еще трех часов, то для того, чтобы уйти из системного поля, им понадобится как минимум месяц.

– Что это может значить? – поинтересовался Волльмер у главного инженера, застывшего перед стойкой боевых сканерных систем.

– Только то, о чем я уже говорил, – ответил тот с нескрываемым раздражением. – У них авария. Вот, видите, – ткнул он пальцем в небольшой экран, на котором мерно бились три жилки: две были насыщенно-красными, а третья – розовой, как молочный поросенок, – насколько я понимаю, это нечто вроде триггерного стабилизатора потока. Средняя ступень, – вот, полюбуйтесь, – едва дышит. Я уже стал кое-что соображать в этой допотопной машинерии... они сняли нагрузку с главного двигателя, он у них один – потому что теряют контроль над плазмой, или что там у них еще... Поток вышел из-под контроля, понимаете?

Волльмер поморщился. В потоках плазмы он разбирался плохо. Когда-то, еще в Академии, ему читали курс по истории звездоплавания, в который входили базовые познания в области истории техники, но зачетов по курсу не было, слушали его, соответственно, в пол-уха, а уж сейчас, по прошествии пятидесяти лет, вспомнить не удавалось вообще ничего.

– И что с ними будет? – спросил он.

Варнезе пожал плечами. Сонная нерешительность командира начинала раздражать его. Сам он готов был уже сейчас начать маневр сближения с загадочным субсветовиком, дабы познакомиться с его командой, но, разумеется, командовал здесь он, генерал Волльмер, а полковнику Варнезе оставалось одно – подчиняться.

– Наверное, – вдруг задумался первый пилот майор Гоше, – они попробуют обойти систему, оттолкнувшись от поля внешней планеты, и вернуться назад. Понятно ведь, что с такой скоростью они далеко не уйдут. Никакой жизни не хватит...

– Это вы бы так сделали, – едко отозвался Варнезе. – А они, с их-то энерговооруженностью?

– Тихо, тихо! – махнул рукой Волльмер. – Что вы на все это скажете, Мелеш? А? Может, у вас есть особое мнение?

У ксенолога особого мнения не имелось. Он высосал уже всю фляжку, несколько порозовел и прислушивался к дискуссии без особого интереса.

– Да что тут думать, – фыркнул он, – подойдите на минимальную дистанцию, затормозите эту рухлядь отбоем носовых двигателей и засуньте ее в свободный трюм. Это же «Саксон», верно? Насколько я помню, с базы мы все поднимались пустые, как барабан – наверное, у вас есть пустой трюм длиной в пол-километра?

– Как-то невежливо, – вздохнул Волльмер. – Может быть воспринято как агрессивные действия. Вот если бы как-нибудь с ними связаться...

– Да мы битых пол-дня только это и делаем! – взорвался Варнезе. – И при этом даже не знаем, видят они нас, или нет!

– А давайте, когда подойдем, просигналим им «галактический-общий» с требованием остановиться, – предложил Мелеш. – Раз уж вас так волнуют формальности. В конце концов мы им, может, жизнь спасем!

– Дайте ему еще коньяку, – приказал Волльмер, – и скажите остальным, что мы слегка прогуляемся. Огней не гасить, готовимся к эволюционному разгону. Штурман, сколько нам потребуется времени?

– Я уже посчитал, командир: два сорок плюс-минус...

– Отлично. Гоше, будьте предельно внимательны. Вы должны встать на безопасной дистанции, и не забывайте, что объект мелкий, смотрите, чтобы вашим усердием его не сдуло. Поехали.

«Саксон» вздрогнул. Для Бернара Гоше подобный маневр не представлял ни малейшего труда, он управлял линкором уже почти десять лет, и преуспел в этом искусстве настолько, что в его руках многокилометровое чудовище могло выделять самые невероятные кренделя. Собственно, именно искусство майора Гоше – искусство уклоняться от боя – и спасло корабль в последней битве. Мельком проглядев выкладки штурмана, уже введенные во вспомогательный вычислитель, он прикинул градус подхода: по иксам оптимум составлял не менее двадцати пяти градусов, и это при том, что игрек был нулевым. Гоше не любил лишней возни с причаливанием; пожевав губами, он отправил линкор в странный для неподготовленного разума прыжок.

Разгон длился две минуты сорок четыре секунды. Проглядев данные на вычислителе, Гоше решил не форсировать события.

– Придем в базу, – сказал он про себя, – нужно будет «прострелить» волноводы. Не тянут движки.

Через тридцать секунд после выхода на треть крейсерской скорости «Саксон» распахнул носовые щели тормозных моторов. Теперь начиналось самое интересное.

– Вы не спешите, – хладнокровно порекомендовал пилоту Волльмер, – подходите спокойно, а то парней там кондрашка хватит. У нас, кажется, достаточно сердечников... Варнезе, вам ближе: приготовьтесь отстучать им сигнал оптикой.

– Ба, – хмыкнул вдруг Гоше, – да он и сам начал тормозить.

– Наверное, они нас все-таки увидели, – отозвался Мелеш.

– Они не могли увидеть нас на сверхсвете. Если бы у ребят были субволновые сканеры, они не ходили бы на таком фуфле, – возразил Варнезе. – Ничего, сейчас они нас увидят.

Гоше промолчал: он был занят. «Саксон» медленно подходил к плетущемуся в пространстве сигарообразному звездолету чужаков, и майор мог отлично разглядеть его конструкцию, но ему было не до того. Носовые двигатели линкора пронзили пустоту невидимыми струями энергии, которые должны были помочь чужаку остановиться да нуля. На две секунды Гоше задумался о тех чувствах, которые испытывают сейчас его коллеги в неведомой ходовой рубке

субсветовика, и испытал к ним сочувствие. По его прикидкам, чужак не должен был рассыпаться от перегрузки: майор действовал предельно осторожно, понимая, что там, где выдержит сталь, может не выдержать плоть. Впрочем, в резерве он имел достаточно надежное средство.

– Перекрути мозги СВБ, – приказал он второму пилоту, – на минус, на самый большой минус. Нам потребуется очень узкий луч, метров двести, не шире. Давай...

Корабельная система внешней безопасности служила для предотвращения случайных столкновений с мелкими небесными телами при движении на высоких скоростях: она создавала впереди корабля широкий конус энергии, нечто вроде зоны свехвысокой гравитации, в котором мгновенно аннигилировались любые метеориты или пылевые элементы, способные причинить линкору какой-либо вред. В случае необходимости – например, при проведении аналогичной спасательной операции, систему можно было переключить с «горячо» на «холодно».

– Э, – замычал Мелеш, наиболее остро почувствовавший некоторую легкость в членах, – вы уже СВБ перевернули?

Он подбросил врученную ему полную флягу и поглядел, как она медленно летит к потолку и так же неторопливо возвращается обратно: расположенные в носу генераторы поля давали наводки на рубку.

Ему никто не ответил, все смотрели на экраны.

– Подготовить шестой трюм правого борта, – отрывисто приказал командир. – Отправьте туда врача, пусть он проведет соответствующие мероприятия. Мелеш, вы сможете влезть в скафандр?

– А то, – скривился ксенолог. – А на хрена, собственно? Я не думаю, что они болеют чем-то таким...

– Может, пусть лучше врачи проведут бакразведку? – предложил Варнезе. – Я тоже против скафандров, это может вызвать у наших гостей некий шок...

– Хорошо, распоряжайтесь. И поднимите трюмных операторов, им предстоит серьезная работа.

Глава 4.

1.

Халеф сидел в саду, и сквозь ветви деревьев наблюдал, как теплый ветер гонит по небу облака. В его родном Кусумме небо было гораздо ярче, оно словно светилося изнутри, а в такое время года сады уже давно попрощались с цветами. Здесь, на Севере, все было совсем иначе, небо казалось ему непривычно тусклым, сады – низкорослыми и редкими, и даже люди, как он успел заметить, отличались сдержанным немногословием, так не характерным для жителей его родных субтропических равнин.

Юноша скучал. Бурк сказал ему, что скоро почти все мужчины поселка отправятся на большую рыбную ловлю в верховья реки, где из океана заходит на нерест тьма рыбы – ее бывает так много, что рыбаки просто вычерпывают добычу из реки сачками. Но он, Халеф, останется здесь под присмотром Вири. Бурк до сих пор не выпускал его за пределы собственной усадьбы без конвоя в виде девушки. Халеф сомневался, что старый судья боится, что он убежит – куда ему было бежать? – и потому не понимал, для чего тот ограничивает его свободу. За пару недель, что прошли с того дня, когда он встал с постели, Халеф имел возможность убедиться в том, что Бурк в деревне не просто судья. Люди часто приходили к дому, чтобы уединиться с ним в просторном полутемном кабинете и долго, иногда часами, беседовать о чем-то вполголоса.

Часто исчезал и сам судья. Насколько знал Халеф, он был непревзойденным мастером по части сбора наркотических грибов, трав и целебных глин, из которых варил разнообразные мази и притирки, но в то же время Халеф готов был поклясться, что некоторые экспедиции старика никак не были связаны с грибами.

Несколько раз Халеф слышал упоминания о каком-то пророчестве, которое, якобы, должно сбыться вот-вот, в ближайшее же время, а если сбудется, то все живое в его мире ждет ужасный конец. Иногда ему начинало казаться, что когда-то, в прежней своей жизни, он уже слышал о чем-то подобном – но память упорно не желала к нему возвращаться.

Халеф посмотрел на небо и подумал, что если ему не суждено вспомнить, кем он был раньше, то мир, в сущности, не слишком обеднеет. Ему, по крайней мере, хорошо и здесь. Пока. Что будет дальше, не ведает никто. Но, раз уж судьба привела его в эти глухие дебри, то она же, вероятно, и выведет его назад.

– Эй, парень! – услышал он голос Бурка.

Юноша обернулся. Судья стоял возле тыльной стены своего дома, со странной задумчивостью рассматривая Халефа – так, словно хотел сказать ему нечто важное.

– Присядь со мной, – предложил старик, указывая на низенькую скамеечку под деревом.

Халеф послушно опустился на гладкое, отполированное за много лет дерево и приготовился слушать.

– У Солдат опять заваруха, – сказал судья, глядя куда-то вдаль. – Причем на этот раз, наверное, серьезная, и что хуже всего, совсем рядом с нами. Я не знаю, нарушат ли они границу... Люди отправляются на Большой Лов, им нужно кормить семьи, ты же знаешь, что тут, на отшибе, мы живем на полном самообеспечении. Без меня они не пойдут, вот так вот...

– Возьмите меня с собой, – попросил Халеф.

– Нет, – помотал головой старик. – Ты слишком... слишком ценен для меня. Перед тем, как мы уйдем, я скажу тебе кое-что, но ты должен обещать, что выполнишь все мои указания в точности.

– Я обещаю, – удивленно согласился юноша. – Это так важно?

– Да, парень. Это очень важно.

Бурк встал и добавил, уже повернувшись к Халефу спиной:

– Если хочешь, можешь посмотреть, как люди готовят лодки.

Бен Ледда постоял, глядя, как старый судья уходит во двор, потом решительно двинулся через сад к небольшой калитке, которая выводила к берегу реки. Миновав небольшой овраг, он двинулся по тропе, которая вывела его к причалу, вокруг которого сустились деревенские мужчины. На мелкой речной волне подрагивали три довольно больших баркаса с паровыми движками: рыбаки осматривали механизмы, грузили на свои суденышки просмоленные бочки и мешки с солью. Халеф остановился неподалеку от причала и втянул носом прохладный влажный ветер. С реки немного тянуло тиной: берег ниже деревни был почти сплошным болотом, густо заросшим остролистным кустарником.

Кто-то из рыбаков заметил его появление. До слуха Халефа донеслись короткие реплики, но он не понял говоривших, так как их язык был ему незнаком. Впрочем, этими репликами дело и ограничилось: поглазев на пришельца, рыбаки как ни в чем ни бывало занялись своим делом.

Халеф простоял на берегу около часа, пока не почувствовал, что ветер стал пробирать ему ребра. Тогда он бросил прощальный взгляд на широкую реку и побрел обратно. Река вызвала у него нечто вроде ностальгии: когда-то, в детстве, он побывал с отцом на похожей, такой же холодной реке – правда, находилась она в другом полушарии. Тогда он едва не утонул на рыбалке... вспомнив, Халеф усмехнулся. Это ведь было так давно, сказал он себе. Вроде бы и лет прошло не так уж много, а кажется – целая жизнь...

Во дворе он увидел Вири. Подойдя к девушке, Халеф широко распахнул глаза: на коленях у нее лежал... пулемет! Эта модель была ему совершенно незнакома, она была гораздо изящнее привычных ему конструкций, которые были созданы в его стране более двадцати лет назад, и выглядела значительно более сложной. Вири, распахнув приемную рамку, сосредоточенно протирала ее детали смоченной в бензине тряпочкой. Халеф уважительно покосился на длинные, тускло блестящие крупнокалиберные патроны и осторожно проговорил:

– Хорошая вещь. Откуда это у вас?

– В столице это можно купить в любом магазине, – пожала плечами Вири. – Иногда приходится доставать его... так, на всякий случай.

– Дед сказал, будто бы у Солдат началась какая-то, как он говорит, заваруха.

– Да, – Вири с глухим стуком захлопнула рамку и подняла глаза на юношу. – С ними что-то происходит. А мы остаемся здесь.

– Я умею пользоваться оружием, – заявил Халеф, чувствуя некую неловкость. – У тебя есть что-нибудь еще?

– Оружием? – на лице девушки мелькнуло презрение. – Есть... так-сяк... погоди.

Положив черное тело пулемета на лавку, она скрылась в доме. Пользуясь ее отсутствием, Халеф попытался внимательно осмотреть новую для него конструкцию. На металле рукоятки он прочитал надпись на языке Саарела – вероятно, название производителя. О Святое Утро, подумал он, неужели правы те, кто говорит, что все наши соседи давно обогнали нас во всем, что касается машинерии? Совершенные, влекущие его линии пулемета недвусмысленно намекали на то, что это, по всей видимости, правда.

Вири возвратилась во двор, неся на плече старый автомат с деревянным прикладом и толстым кожухом водяного охлаждения вокруг ствола.

– Держи-ка, – предложила она. – С этим хламом ты, может быть, справишься.

Халеф узнал его: то была конструкция, выпущенная в одной из южных стран, павшей в дни Солнцеворота, чтобы стать одной из провинций под властью Сыновей. Ему не раз приходилось иметь с ним дело, и сейчас он держал автомат в руках, как старого знакомого.

– Для вас, наверное, это предел совершенства, – язвительно хмыкнула Вири. – Не сталь, а дерьмо, все время перегревается, а до сменных стволов тогда еще не додумались. Но для тебя сойдет.

– Ты всерьез считаешь, что нам может понадобиться оружие? – тихо спросил Халеф.

– Я ничего не считаю, я слаба в арифметике, – отрезала девушка, отбирая у него автомат.

Поздно вечером, когда Халеф сидел в своей комнате и бездумно разглядывал звезды, к нему пришел Бурк.

– Мы отплываем в полночь, – сказал он. – Но я уйду уже сейчас, потому что у меня есть еще дела. Слушай меня внимательно: если со мной что-то случится, или если тебе придется бежать и скрываться, ты должен раскрыть железную дверку на камине, что стоит в моем кабинете. Там, в нише за дымоходом, лежит толстый пакет, запаянный в клеенку. Возьми его. Это касается пророчества и твоей роли во всем том, что должно произойти... и постарайся позаботиться о Вири.

– Пророчества? – удивленно переспросил Халеф.

– Ты все знаешь. Раньше, позже – не важно... но помни: ты давал мне слово.

Мрачно качая головой, Бурк удалился. Халеф долго смотрел ему в спину, напряженно думая о том, что, в конце концов, должно с ним произойти, а потом решил забыть все это. Сон казался ему делом куда более важным.

Следующие два дня прошли как обычно, если не считать того, что к воротам судьи приходили деревенские женщины и тревожно, почти шепотом, разговаривали о чем-то с Вири. Она, впрочем, держалась как всегда спокойно. На исходе второго дня с тех пор, как мужчины покинули поселок, с реки потянуло туманом, и скоро он поглотил селение, растекся по улочкам, как густой недвижный дым. Вири вышла к садовой калитке и долго вслушивалась в синий сумрак. Халеф попытался сделать то же самое, но, сколько он ни напрягал слух, ничего кроме далекого плеска волны, услышать не смог. Пожав плечами, Халеф вернулся в дом.

– Завтра они должны вернуться, – сказала ему Вири, подавая ужин.

Халеф молча кивнул.

В туманный вечер человеком легко овладевает дрема. Повинуясь ей, Халеф прикрыл окно, разделся и лег под одеяло, мечтая скорее согреть своим телом влажноватые простыни. Во тьме закрытых век Халефу неожиданно причудилась бескрайняя ледяная пустыня, какие-то далекие, подернутые серебристой дымкой торосы, узкий ручей с черным провалом полыньи... он вздохнул, потянулся и задул лампу.

Где-то далеко, наверное, на противоположном от реки конце поселка, визгливо залаяла собака. Через ее лай Халеф слышал тихие, едва слышимые шаги в коридоре. На мгновение он напрягся. Скрипнула дверь.

На пороге, держа в руке зажженную лампу, стояла Вири в наброшенном на плечи тяжелом и пушистом халате.

– Что-то случилось? – подскочил, сбрасывая одеяло, Халеф.

– Молчи, – прошептала она.

Прежде чем погасить свою лампу, девушка сбросила на пол халат, и Халеф, холодея, успел разглядеть ее стройное, крепкое тело с небольшими полушариями груди, на которых темнели, как два вечерних цветка, агрессивно торчащие соски. Через секунду он ощутил, как она прижимается к нему – горячая, бархатистая, наполненная странным, одновременно и горьким и сладким запахом.

Ее рука скользнула вдоль его живота, одним рывком размотала ткань надренной повязки, и коснулась давно вздыбившегося дракона. Халеф зашипел, чувствуя, что сейчас разорвется. Сильные и одновременно ласковые пальцы почти мгновенно подняли его в темные небеса, и он освободился от того, что обычно давит на мужчину его лет.

– О-хх... – промычал он. – А-аа...

Его тело едва не вздыбилось дугой, но рука Вири тотчас же успокоила его. Ее пальцы продолжали двигаться, только теперь они стали гораздо нежнее, и Халеф, повинаясь ее власти, непроизвольно начал извиваться на постели, как придавленный червь.

– Вы там, кажется, с женщинами не очень-то? – услышал он насмешливый голос девушки.

– У нас это... не поощряется, – простонал он.

– Ну-ну... вот теперь ты готов.

Вири сбросила с себя горячее одеяло, выпрямилась и села на него верхом. Секунду спустя Халеф испытал страстное желание закричать. Ему никогда не приходило в голову, что то, о чем ему твердили как о грязном и недостойном, может дарить такое наслаждение.

Невероятное, ни с чем не сравнимое наслаждение!

Тело Вири, гибкое и сильное, двигалось над ним как молот. Когда в тяжелом дыхании Халефа прорезались хриплые нотки, оно застывало, и тогда он на какое-то время приходил в себя. Потом все начиналось сначала. Он положил ладони на ее бедра, испытывая страстное желание сдавить их в лепешку, и откинул голову, чтобы не глядеть, как на фоне слабо светящегося ночного неба колыхнется тяжелая масса ее волос.

Ее движения постепенно убыстрялись. Халеф, полностью отдавшись влекущему его зову, следовал за своей партнершей – и вот, почему-то взвизгнув, выгнулся, едва не сбрасывая ее с себе, – и в ответ забилась, застонала, медленно легла ему на грудь и она.

– Останься со мной, – неловко глядя ее по голове, попросил Халеф.

– Хорошо, – прошептала она. – Пока ты не уснешь.

И он впервые уснул рядом с женщиной, уснул, наполненный незнакомым ему покоем, уснул, воткнувшись, как щенок, в ее теплое и нежное плечо...

Когда он проснулся, вокруг него был дым.

Одеваясь на ходу, Халеф выскочил в коридор, истошно замотал головой, и тут только услышал выстрелы, гремевшие вдалеке.

– Вири! – закричал он, надсаживая горло. – Ви-ири!

Схватив висевший в прихожей автомат, Халеф выбежал во двор. Дом старого судьи Бурка горел. Он горел с тыльной, обращенной к реке стороны, и потушить его не было ни малейшей возможности. Рвущееся в предрассветную мглу пламя ярко освещало отцветающий сад, и казалось, что среди деревьев мечутся злые черные тени.

– Вири! – отчаянно, жалобно крикнул Халеф.

Она лежала в саду, в одном халате, сжимая в руках свой красивый черный пулемет. Поперек груди косо шла алая кровавая черта – чья-то очередь едва не перерезала девушку пополам. Халеф упал на колени, чувствуя, как слезы рвут ему горло, – упал, чтобы через мгновение подняться и, воздев к небу сжатые кулаки, сотрясти его самой страшной хулой из всех ему известных.

После этого он поцеловал девушку во влажный от утренней мороси лоб и осторожно, словно у спящей, забрал у нее пулемет, за которым волочилась длинная лента с двумя сотнями блестящих не детских погремушек.

Обернувшись к дому, Халеф понял, что не сможет выполнить то, о чем его просил судья: его кабинет горел так, что добраться до камина он не смог бы при всем своем желании. Халеф тенью метнулся во двор, вбежал в задымленную прихожую, ругаясь и кашляя, нащупал там старые болотные сапоги Бурка, всунул в них ноги и выбежал во двор.

Стрельба в дальнем конце поселка стихала. Прислушавшись, Халеф понял, почему Вири умерла в саду. Утренний ветер нес с реки едва слышное тарахтенье двигателя. Это не был сопящий паровик рыбаков: Халеф понял, что нападавшие прошли через сад и, возможно, вверх по улочке, и двинулись дальше, стремясь как можно скорее подавить сопротивление вооруженных женщин. Стреляли далеко. Значит, раз они дошли до холма, решил юноша, там я уже никому не помогу. А здесь, наверное, смогу отомстить.

Подгоняемый этой мыслью, он бесшумно спустился к причалу и замер в густом кустарнике, отделявшем его от берега.

Прямо перед ним ровно и мощно светились три фары металлического военного катера – приземистого, узкого, словно кинжал, и оснащенного скорострельной спаренной пушкой на носу. В окнах рубки Халеф разглядел две темные человеческие фигуры.

У него было сильнейшее желание срезать их одной короткой очередью, но он понимал, что этим проблемы не решить. Ему следовало занять позицию, которая позволила бы перебить как можно больше негодяев, возвращающихся из деревни. В эти мгновения Халеф не ломал себе голову над тем, кто эти люди и зачем они пришли в мирный спящий поселок. Его сознание было поглощено одной единственной мыслью: покарать. Покарать, хотя бы за Вири, не говоря уже обо всех остальных...

Осторожно, стараясь быть бесшумным – когда-то его учили этому – Халеф двинулся сквозь заросли вдоль берега. Сейчас черный пулемет был ему дороже, чем отец и братья... Когда темная масса причала заслонила ему катер, он пригнулся и бегом бросился к спасительному болотцу, которое могло послужить отличным укрытием. Через пару минут он смог устроиться среди шуршащего на ветру речного остролиста и перевести дух.

Улочка, по которой должны были возвращаться нападавшие, открывалась перед ним под наивыгоднейшим углом. Справа от него дотлевал домик соседа Бурка, сухощавого Гохена: он прекрасно мог видетьдвигающихся к причалу людей, тогда как им наверняка потребуется время, чтобы сообразить, откуда ведется огонь. Время, которого у них не будет.

Выстрелов он уже не слышал. Проверив, легко ли двигается в патроннике лента, Халеф превратился в камень.

Он умел ждать.

На востоке, в верховьях реки, начало светлеть небо. Халеф бесшумно сплюнул в воду, которая доходила ему почти до колен, и теперь только почувствовал, насколько он замерз, битый час сидя в этой трясине.

И тут он увидел их. Сперва, разглядев катер, Халеф с ужасом подумал, что началась война, и по реке поднялись регулярные подразделения Свободных Солдат. Но люди, которые брели, нагруженные какими-то тюками, по улице, никак не походили на солдат или матросов. Разношерстная компания, кто в кожаных куртках, кто в теплых комбинезонах, все с разномастным, большей частью старым, оружием, они более всего напоминали обычных бандитов. Их было много, человек сорок; Халеф еще раз сплюнул и поднял ствол пулемета.

В первые мгновения он не понял, что происходит и едва не отвлекся, чтобы посмотреть, стреляет ли его оружие. Пулемет в его руках заговорил почти бесшумно, словно шлепал по воде ребенок: не было ни пламени, ни привычной Халефу отдачи тяжелого оружия.

Но люди, шедшие вдоль улочки, повалились наземь один за другим, забили в страшных судорогах, побежали, бросая свою добычу, в поисках укрытия. Рыча, Халеф бил короткими очередями и видел, как крупнокалиберные пули вырывают целые клочья из тел незваных пришельцев, видел, как влажная почва смешивается с их горячей кровью, и забывал про холод сам.

Он не почувствовал, как его коротко ударили по шее.

– Вот гад, – зло произнес над ним чей-то хриплый голос. – Человек десять уложил.

– Десять? – спросил другой. – Да кажется, больше. Что ж, парень крепкий. Раз десять – теперь ему придется сражаться за десятерых.

– Ты что же, хочешь взять его с собой?

– У тебя есть другие предложения? У нас и так мало людей. Кто будет волочить все наше дерьмо, когда мы потащимся по горам? Бери его, пошли...

2.

Бен Рукка ошарашенно молчал, не сводя расширившихся от восторга глаз с темного овала главного экрана. Оптика давала приближение: почти прямо по курсу медленно плыла черная, заостренная машина чужого корабля. Его размеры потрясали воображение, он был в сотни раз больше «Кронга», еще недавно казавшегося Рукке громадным. Корабль чужаков подавлял свои величием.

– Невозможно, – шептал, кусая в отчаянии губы, навигатор, – мы теряем скорость так быстро, что в это невозможно поверить. При таком торможении мы все уже давно должны были погибнуть... что же происходит? Что все это значит?

– Они тормозят нас, – ответил командир, по-прежнему глядя на экран. – Не знаю, как но они нас тормозят.

В центральном посту управления собрался почти весь экипаж корабля за исключением моториста, по-прежнему находившегося в двигателях. Бледные, неспособные поверить в то, что видят, астронавты стояли, до боли вцепившись пальцами в спинки кресел. Их била дрожь.

«Кронг» уже почти остановился. Где-то сверху тихонько шелкала установка искусственной гравитации. Навигатор все еще продолжал какие-то расчеты, теперь уже явно ненужные. Корабль чужаков приближался, бен Рукка отчетливо видел узкие, слабо светящиеся щели, распахнутые в нижней части его немного приплюснутого носа. Обшивка гиганта выглядела совершенно гладкой, на ней не было никакх следов люков или надстроек – вероятно, если она и имела какие-либо отверстия, то их крышки пригонялись настолько плотно, что различить их с расстояния было невозможно.

– О, Святое Утро!.. – слабо промычал бен Рукка. – Что это?

В носу черного чужака вспыхнули три ряда ослепительно ярких белых огней. Моргнув, они вдруг замигали, словно выплясывая некий сложный танец. Опять вспыхнули все разом... опять замигали!

– Это какой-то сигнал, – догадался навигатор Казис. – Но какой?

– Попробуй пропустить его через главный вычислитель, – подсказал кто-то.

– Ты думаешь?... – удивился Казис. – На это наверняка потребуется много времени...

– Которого у нас нет, – глухо перебил его бен Рукка. – Смотрите.

Нос черного корабля проплыл совсем рядом с «Кронгом» – казалось, до него можно было дотянуться рукой, – и теперь мимо них, заняв собой весь экран, двигалась глухая черная стена, на которой Рукка с изумлением заметил несколько вмятин и даже проломов, имевших странные, словно оплавленные края.

– Мне кажется, они побывали в настоящем бою, – вполголоса произнес Рукка. – Но что же за оружие могло нанести им такие раны?

Черная стена борта все так же неторопливо ползла по экрану. Теперь все видели не только вмятины. Промелькнула и исчезла, уйдя из поля зрения оптики, перекрученная и обгорелая решетчатая конструкция, торчащая из полуоткрытой в стене ниши, затем проползла удлиненная, похожая на глаз, надстройка, на которой мигали два красных огонька.

– Неужели они уходят? – вырвалось у Казиса.

– Нет, – помотал головой Рукка.

Он оказался прав.

Менее чем через минуту чужак остановился. Прямо напротив «Кронга» в его корпусе возникла ярко светящаяся щель. Она быстро расширялась, и вот все увидели залитое бело-голубым светом помещение, громадное настолько, что в нем запросто мог поместиться весь их звездолет.

Бен Рукка замер, холодея. В глубине этой странной ниши зашевелились какие-то механизмы. Не веря своим глазам, он увидел, как медленно движутся к его кораблю две огромные механические клешни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.